

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2020
XXIX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1984
EXPRESS-ISSUE

2020 № 1984

СОДЕРЖАНИЕ

- 4745-4755 Гнездящиеся птицы Приморского края: восточный лунь *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Ю. Н. ГЛУЩЕНКО, И. М. ТИУНОВ, Д. В. КОРОБОВ, В. П. ШОХРИН
- 4755-4759 Редкие виды птиц Линдуловской рощи (Ленинградская область). Д. В. КУЛАКОВ, Е. А. КУТЕРНИЦКАЯ
- 4760-4761 Встреча мандаринки *Aix galericulata* в Александровском парке города Пушкина (Санкт-Петербург). Д. Ю. ОСТАПЕНКО
- 4762 Залёты белощёкой крачки *Chlidonias hybrida* и черноголовой чайки *Larus melanoccephalus* в Московскую область. С. П. ХАРИТОНОВ
- 4763-4774 Эколого-этологические особенности гнездования воробьиных птиц в тундре. К. Е. МИХАЙЛОВ
- 4775-4782 Биология конька Мензбира *Anthus gustavi menzbieri* в Приморье. Ю. Н. НАЗАРОВ
- 4783 Новое место гнездования и зимовки большого баклана *Phalacrocorax carbo* и первый случай зимовки малого баклана *Phalacrocorax pygmeus* в европейской части СССР. А. Н. ХОХЛОВ, А. П. БИЧЕРЕВ
- 4784-4785 Новые находки мест гнездования сухоноса *Anser cygnoides* в Нижнем Приамурье. В. Б. МАСТЕРОВ, Н. Д. ПОЯРКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2020 № 1984

CONTENTS

- 4745-4755 Breeding birds of Primorsky Krai: the eastern
marsh harrier *Circus (aeruginosus) spilonotus*.
Y u . N . G L U S C H E N K O , I . M . T I U N O V ,
D . V . K O R O B O V , V . P . S H O K H R I N
- 4755-4759 Rare birds of the Lindulovskaya grove (Leningrad Oblast).
D . V . K U L A K O V , E . A . K U T E R N I T S K A Y A
- 4760-4761 The record of the mandarin duck *Aix galericulata*
in the Alexander Park of the Pushkin (St. Petersburg).
D . Y u . O S T A P E N K O
- 4762 The records of the whiskered tern *Chlidonias hybrida*
and the Mediterranean gull *Larus melanocephalus*
in Moscow Oblast. S . P . K H A R I T O N O V
- 4763-4774 Ecological and ethological features of nesting in passerine
birds in tundra. K . E . M I K H A I L O V
- 4775-4782 Biology of the Menzbier's pipit *Anthus gustavi menzbieri*
in Primorye. Y u . N . N A Z A R O V
- 4783 A new nesting and wintering site of the great cormorant
Phalacrocorax carbo and the first wintering of the pygmy
cormorant *Phalacrocorax pygmeus* in the European part
of the USSR. A . N . K H O K H L O V ,
A . P . B I C H E R E V
- 4784-4785 New breeding locations of the swan goose *Anser cygnoides*
in Lower Amur area. V . B . M A S T E R O V ,
N . D . P O Y A R K O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Гнездящиеся птицы Приморского края: восточный лунь *Circus (aeruginosus) spilonotus*

Ю.Н.Глущенко, И.М.Тиунов,
Д.В.Коробов, В.П.Шохрин

Юрий Николаевич Глущенко. Дальневосточный Федеральный университет, филиал в Уссурийске (Школа педагогики), ул. Некрасова, д. 35, Уссурийск, 692500, Россия. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, ул. Радио, д. 7, Владивосток, 690041, Россия. E-mail: yu.gluschenko@mail.ru

Иван Михайлович Тиунов. ФНИЦ Биоразнообразия ДВО РАН, пр. 100-летия Владивостока, д. 159, Владивосток, 690022. Государственный природный биосферный заповедник «Ханкайский», ул. Ершова, д. 10, Спасск-Дальний, Приморский край, 692245, Россия. E-mail: ovsianka11@yandex.ru

Дмитрий Вячеславович Коробов. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, ул. Радио, д. 7, Владивосток, 690041, Россия. E-mail: dv.korobov@mail.ru

Валерий Павлович Шохрин. Объединённая дирекция Лазовского государственного природного заповедника им. Л.Г.Капланова и национального парка «Зов тигра». Ул. Центральная, д. 56, с. Лазо, Приморский край, 692980, Россия. E-mail: shokhrin@mail.ru

Поступила в редакцию 24 сентября 2020

Восточный лунь *Circus (aeruginosus) spilonotus* Kaup, 1847 является редким гнездящимся перелётным видом Приморского края, хотя в отдельных местах он, на первый взгляд, может казаться обычным, ввиду того, что формирует локальные рыхлые групповые поселения. Известны единичные встречи в календарные сроки зимы.

Гнездовая часть ареала этого луня занимает умеренную зону Азии от Енисея, Минусинской котловины и северо-запада Монголии на западе до устья Амура на востоке (Степанян 2003). Долгое время его считали лишь одним из восьми известных подвидов болотного луня *C. aeruginosus* (Linnaeus, 1758), шесть из которых, включая обитающего в Приморье восточного луня, в настоящее время рядом авторов признаются самостоятельными видами (del Hoyo, Collar 2014). Помимо разницы в общих размерах, наиболее значимыми различиями всех этих явно близкородственных форм является их окраска. Беря во внимание только две из них, населяющие исключительно Евразию, можно отметить, что окраска оперения как взрослых самцов (рис. 1) и взрослых самок (рис. 2), так и молодых птиц (рис. 3) *spilonotus* значительно отличается от соответствующих особей *aeruginosus*. Поскольку на пространстве между бассейном верхнего течения Енисея и Байкалом существует зона их вторичной интерградации, которую населяют птицы как чистых исходных фенотипов, так и имеющих комбинированные признаки, возможно, эти формы следует рассматривать в качестве полувидов *semispecies* (Степанян 2003).

Распространение и численность. Наиболее крупная в Приморском крае гнездовая популяция восточного луня сосредоточена в Ханкайской котловине (рис. 4, 1). Здесь на отдельных участках площадью

3-5 км² в 2003-2004 годах плотность гнездования достигает 0.938-1.543 пар на 1 км² (Волковская-Курдюкова, Курдюков 2008). По нашим данным, численность восточного луны в отдельных локусах здесь достигает 3 пар/км² (Глущенко и др. 2006б), при этом она широко варьирует по годам, а в наиболее благоприятных станциях птицы гнездятся рыхлыми поселениями из 2-6 пар (Глущенко и др. 2016).

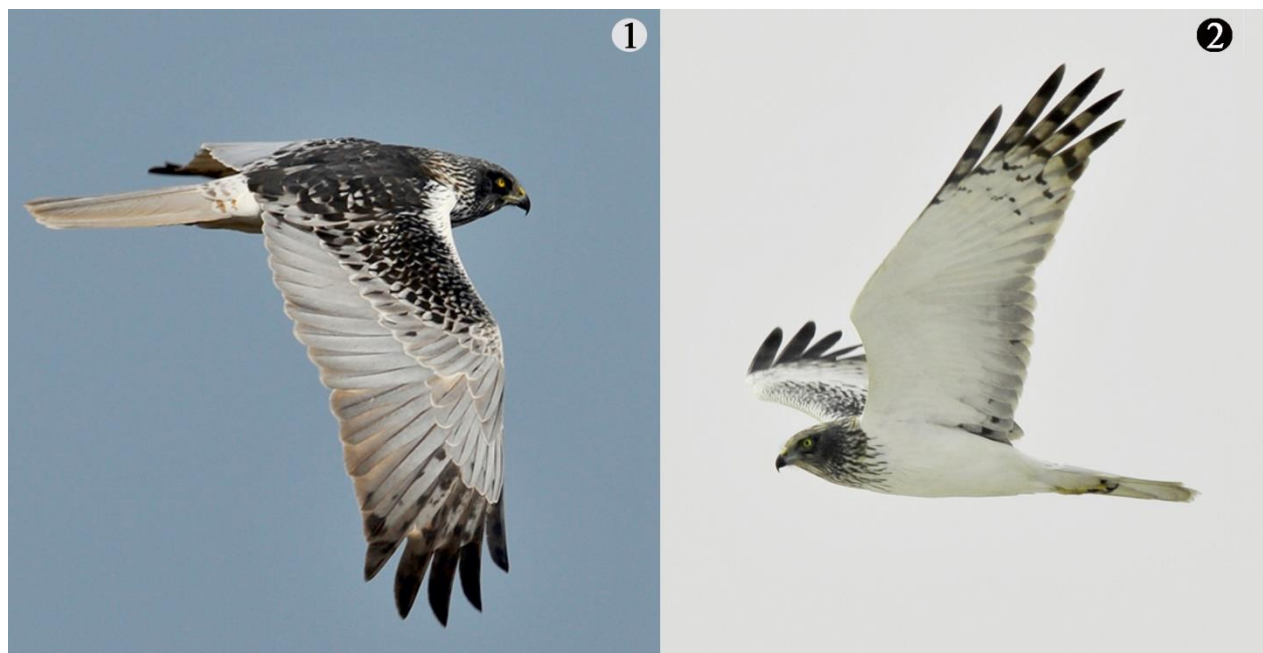

Рис. 1. Взрослые самцы восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Приханкайская низменность. 1-4 мая 2011, 2-4 апреля 2010. Фото Д.В.Коробова.

Рис. 2. Взрослые самки восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Приханкайская низменность. 1-4 апреля 2009, 2-3 апреля 2012. Фото Д.В.Коробова.

Рис. 3. Молодые восточные луны *Circus (aeruginosus) spilonotus*.
Восточное побережье оз. Ханка. 1-16 августа 2010, 2-14 сентября 2009. Фото Д.В.Коробова.

За пределами Приханкайской низменности летующих птиц в промежуточных нарядах мы многократно наблюдали в долине нижнего течения реки Раздольной. В окрестностях Уссурийска (Глущенко и др. 2003; Глущенко и др. 2006а) гнездование этого луны регистрировали только на озере Кравцово (рис. 4, 2), где в 2002 году гнездились 2 пары, в 2003 году – одна пара, а в другие годы отмечали только летующих птиц. В подобных условиях на лугах в пойме реки Мельгуновки (юг Приханкайской низменности) плотность восточного луны в 2001 году составляла 0.04 пар/км². На таких же лугах в пойме реки Михайловки (Михайловский район) (рис. 4, 3) в 2001 году (при резком подъёме численности дальневосточной полёвки *Microtus fortis*) его численность достигала 0.06 пар/км², в 2002-2003 годах она снизилась до 0.018 пар/км² (на участке площадью 57 км² была зарегистрирована одна пара), а в 2004 году этот вид здесь отмечен не был (Волковская-Курдюкова, Курдюков 2008).

В устье реки Раздольной восточного луны неоднократно встречали в летний период (Назаров 2004; данные авторов) (рис. 4, 4), однако его гнездование здесь лишь предполагается (Воробьёв 1954; Назаров 2004; Nechaev, Gorchakov 2009). Сообщения о размножении этого хищника на побережье Уссурийского залива (Нечаев, Гамова 2009) (рис. 4, 5), так же как и на крайнем юго-западе Приморья (Воробьёв 1954; Шибнев 1989; Нечаев, Гамова 2009) (рис. 4, 6), до настоящего времени не подтверждены конкретным материалом. Пару этих хищников наблюдали 20 июля 1986 на равнине между сопкой Столовая и устьем реки Бара-

башевки (рис. 4, 7) (Назаров 2004), где также не исключено гнездование восточного луны.

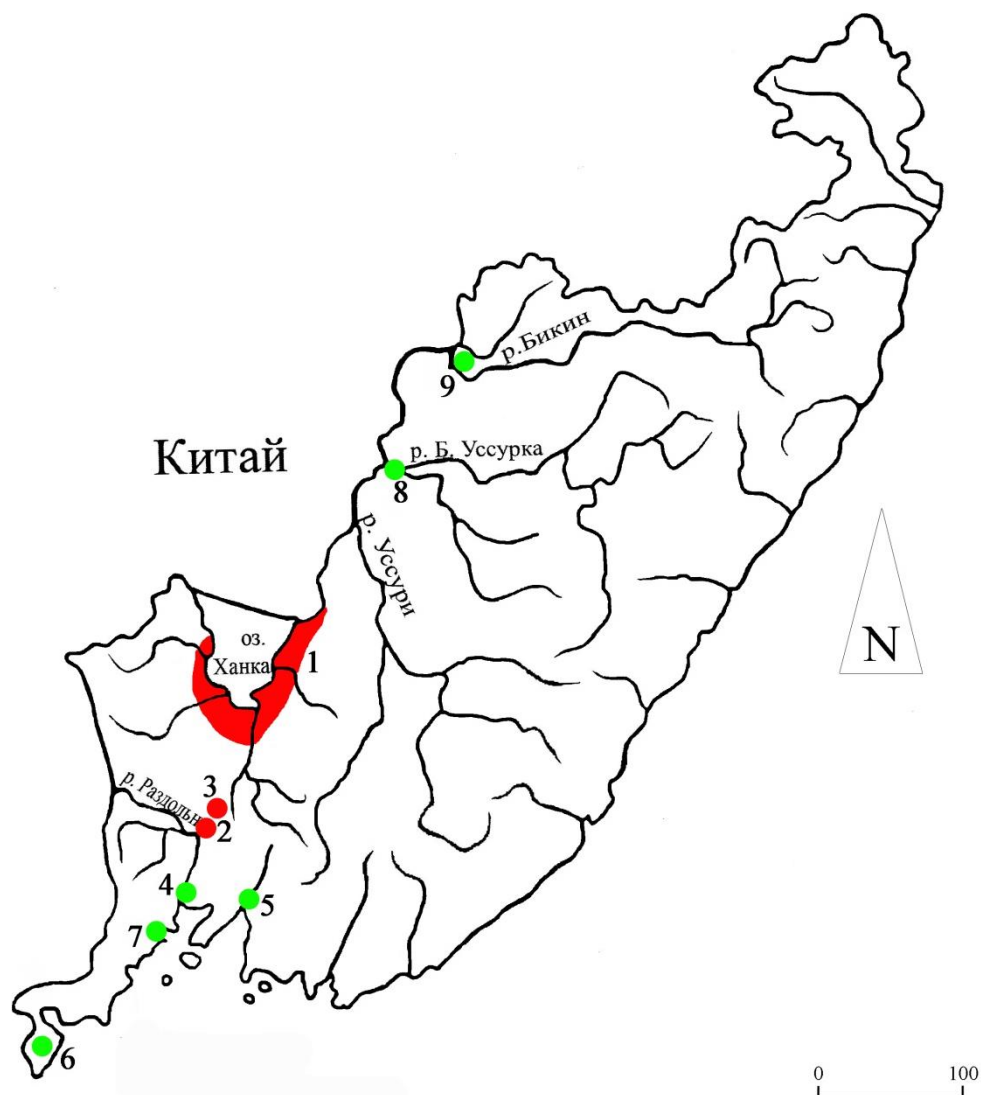

Рис. 4. Распространение восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus* в Приморском крае.
1-3 – известные места гнездования; 4-8 – прочие места встреч в гнездовой период.

Не известны документированные случаи размножения восточного луны в долине реки Уссури и её притоков. Для бассейна реки Большая Уссурка (до 1972 года – Иман) он считается случайно залётным видом, несмотря на встречи птиц в гнездовой период в его нижнем течении (рис. 4, 8) (Спангенберг 1965). То же самое можно сказать и для низовой реки Бикин (рис. 4, 9), откуда известна летняя встреча самца (Пукинский 2003). На других участках Приморского края, например, в прибрежных районах восточных склонов Сихотэ-Алиня, восточного луны встречали очень редко и преимущественно в период миграций (Лабзюк и др. 1971; Назаренко 1971; Елсуков 2013; Шохрин 2017).

Для Северной Кореи известна одна летняя находка луны этого вида, а его гнездование здесь лишь предполагается (Tomek 1999). В Южной Корее летние встречи не зарегистрированы (Moores, Kim 2014).

Весенний пролёт. Весной первые восточные луны появляются в марте или в начале апреля (Шульпин 1936; Воробьёв 1954; Глущенко и др. 2006б), а основная часть птиц прилетает в первой половине апреля. В истоках реки Сунгача Н.М.Пржевальский (1870) впервые наблюдал луней 27 марта 1869, а мы на Приханкайской низменности отмечали их первое появление 2 марта 1978, 3 марта 2000, 18 марта 1993, 22 марта 1973 и 2011, 28 марта 1999, 31 марта 2008 и 2012, 1 апреля 1974, 2 апреля 2010, 3 апреля 1981, 1995 и 2007, 4 апреля 1994 и 1998, 5 апреля 1997 и 6 апреля 2013. Основная часть самцов прибывает на места гнездования в первой декаде апреля.

В окрестностях Уссурийска выраженного пролёта восточных луней нам никогда наблюдать не приходилось: весной одиночных птиц, летящих транзитом на север, в разные годы изредка регистрировали с 13 марта по 22 мая (Глущенко и др. 2008; Глущенко, Коробов 2020). В долине реки Раздольной В.А.Нечаев (2006) встречал одиночных восточных луней 24 марта 1971 и 1990.

На острове Большой Пелис (залив Петра Великого) восточных луней наблюдали 11-13 мая 1966 и 12 мая 1968 (Лабзюк и др. 1971).

Местообитания. В гнездовой период восточные луны населяют обширные выровненные заболоченные пространства, отдавая предпочтение тростниковым болотам с большими участками воды (рис. 5) и очень влажным многолетним залежам, возникшим на местах бывшего рисосеяния, либо чеков, подготовленных для рисовых полей, с густыми куртинами тростника (рис. 6).

Рис. 5. Типичные местообитания восточного луня *Circus (aeruginosus) spilonotus* вблизи восточного побережья озера Ханка. 9 мая 2016. Фото Д.В.Коробова.

Гнездование. Брачные игры восточных луней проходят с конца марта по июль (Глущенко и др. 2016), а их разгар приходится на конец апреля и первую половину мая. Птицы, как правило, токуют над ме-

стом гнездования. Самец поднимается высоко в небо «и с звучными, странно мурлыкающими и несколько гнусавыми криками вроде “кваа” или “вваа”, следующих друг за другом», сложив крылья, как сокол падает вниз и затем круто поднимается вверх, снова падает, снова поднимается, повторяя это неоднократно. Самка обычно летает внизу и время от времени ему отвечает. Её крик отличается от крика самца и звучит глухо, как мягкое гнусавое “них...них”. Часто самец просто летает вверху, кружа или просто рея и временами издавая свой крик. В повседневной жизни эти хищники молчаливы (Шульпин 1936).

Рис. 6. Гнездовой биотоп восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus* на многолетних залежах рисовых полей. Приханкайская низменность, Спасский район, окрестности села Луговое. 16 мая 2019. Фото И.М.Тнунова.

Рис. 7. Гнездо восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Приханкайская низменность, Спасский район, окрестности села Луговое. 17 мая 2020. Фото И.М.Тнунова.

Строительство гнёзд наблюдали в апреле-мае. Обычно восточные луны размещают их на заламах тростника (рис. 7), редко на хатках ондатры *Ondatra zibethicus*. Часть построек используется лунями в течение нескольких лет (Глущенко и др. 2006б).

Гнездо очень грубое, в виде кучи старых стеблей камыша и тростника, особой выстилки в лотке нет (Шульпин 1936; Воробьёв 1954). Осмотренные нами на Приханкайской низменности постройки располагались, как правило, на заламах тростника. Основание гнезда птицы строят как в непосредственной близости от уровня воды, так и на высоте до 80 см над ней. Каркас состоит почти исключительно из сухого тростника, частично с корнями и метёлками. Лоток часто выложен сухими стеблями вейника, а глубокая часть гнезда содержит, помимо сухого тростника, сухие стебли рогоза. В лотке или рядом могут лежать перья восточного луня (во время насиживания самки линяют). Размеры гнёзд, мм: диаметр ($n = 19$) 540-1200, в среднем 822, толщина ($n = 9$) 195-450, в среднем 247, диаметр лотка ($n = 17$) 175-300, в среднем 227, глубина лотка ($n = 11$) 10-90, в среднем 51.

Рис. 8. Гнёзда с кладками восточного луня *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Восточный сектор Приханкайской низменности: 1, 2 – 27 мая 2012, фото Д.В.Коробова; 3 – 30 апреля 2018, 4 – 20 мая 2020, фото И.М.Тиунова.

По литературным данным (Шульпин 1936; Воробьёв 1954), полные кладки, содержащие 4-5 яиц, находили уже в первой декаде мая. Согласно собранным нами сведениям, откладка яиц происходит с третьей декады апреля до начала июня, а полные кладки содержат от 2 до 6 (в среднем по 18 кладкам – 3.94) яиц белого цвета с лёгким голубовато-зелёным оттенком, но в процессе насиживания они становятся матово-белыми и в разной степени пачкаются (рис. 8).

Самая ранняя кладка из 6 очень слабо насиженных яиц обнаружена 30 апреля 2018, а поздняя известная кладка из 3 ненасиженных яиц относилась к 3 июня 1980. Размеры яиц ($n = 66$), мм: $44.6-53.2 \times 35.7-41.27$, в среднем $49.18 \pm 0.26 \times 38.63 \pm 0.16$. Масса свежих и слабо насиженных яиц ($n = 31$): $32.3-47.7$, в среднем 40.47 ± 0.76 г.

Вылупление птенцов наблюдали с третьей декады мая (рис. 9), а среднее число птенцов (по 5 гнёздам) составило 3.4.

Рис. 9. Вылупление птенцов в гнезде восточного луны *Circus (aeruginosus) spilonotus*. Восточное побережье озера Ханка. 27 мая 2012. Фото Д.В.Коробова.

В мае самки заняты насиживанием и поэтому малозаметны, но уже с первых чисел июня они начинают встречаться не реже самцов. Летящих молодых луней мы отмечали с начала июля. Указание на то, что молодые птицы начинают летать в середине мая (Шибнев 1989), следует считать ошибочным.

Послегнездовые кочёвки, миграции и зимовки. После подъёма на крыло молодые особи нередко держатся в окрестностях гнездового

района до конца августа или начала сентября. Откочёвка местной популяции происходит незаметно, а достоверные встречи последних особей на озере Ханка в станциях размножения нами датированы 24 октября 2011, 28 октября 1986, 29 октября 1984 и 18 ноября 1993.

В низовье реки Шмидтовки взрослого самца отметили 18 ноября 1984 (Назаров 2004), а в заповеднике «Кедровая падь» одиночного луня видели 3 октября 1968 (Назаренко 1971). В бухте Нарва одну особь мы встретили 16 ноября 1997.

На юго-востоке Приморского края, в окрестностях Лазовского заповедника, восточного луня наблюдали всего три раза: 18 января 1982, 19 июля 1982 (Лаптев, Медведев 1995) и 18 сентября 2005 в бухте Петрова (Шохрин 2016). В окрестностях Сихотэ-Алинского заповедника он достоверно зарегистрирован только один раз: 25 августа 1976 найден погибший взрослый самец (Елсуков 2013).

В зимний период на Ханкайско-Раздольненской равнине наблюдали только взрослых самцов: 26 января 1986 (Шибнев, Глущенко 1988) и 18 декабря 2002 в восточной части Приханкайской низменности (Глущенко и др. 2016), а в окрестностях села Михайловка, возможно, одну и ту же птицу отмечали 29 декабря 2002, 7 февраля и 1 марта 2003 (Волковская-Курдюкова, Курдюков 2003).

В качестве зимующей птицы восточный лунь указан, в частности, для Южной Кореи и южной половины Японии (Brazil 2009; Check-List... 2012; Moores, Kim 2014).

Питание. По наблюдениям Л.М.Шульпина (1936), основной пищей восточных луней являются различные утки, лысухи и грызуны. В нижнем течении реки Раздольной в июле 1949 года желудки 3 попавших в капканы птиц содержали только дальневосточных полёвок (Воробьёв 1954). Согласно нашим наблюдениям, а также анализу погадок и желудков, восточные луни питаются дальневосточными полёвками *Microtus fortis*, ондатрами *Ondatra zibethicus*, яйцами и птенцами цапель, больших бакланов *Phalacrocorax carbo* и чаек, которых добывают в колониальных гнездовьях. У самки луня 22 июля 1975 отняли ещё не летающего птенца погоныша-крошки *Porzana pusilla*. В гнезде, обнаруженном на озере Луповое (Приханкайская низменность) 10 июля 2002, были обнаружены перья уток, лысух *Fulica atra* и самца амурского волчка *Ixobrychus eurhythmus*.

За помощь в сборе материала авторы выражают благодарность И.Н.Коровой.

Л и т е р а т у р а

- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2003. Новые встречи редких эпизодически зимующих птиц в Приморском крае // *Рус. орнитол. журн.* **12** (234): 963-966.
- Волковская-Курдюкова Е.А., Курдюков А.Б. 2008. Современное состояние популяций дневных хищных птиц в открытых ландшафтах Южного Приморья // *Орнитология* **35**: 74-82.

- Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.
- Глущенко Ю.Н., Кальнищкая И.Н., Липатова Н.Н. 2003. Об охотничьих и хищных позвоночных Уссурийска // *Вопросы лесного и охотничьего хозяйства на юге Дальнего Востока. Юбилейный сборник науч. тр.* Уссурийск: 205-214.
- Глущенко Ю.Н., Коробов Д.В. 2020. Весенний пролёт птиц в долине нижнего течения реки Раздольной (Приморский край) в 2020 году. Сообщение 3. Дневные хищные птицы // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1941): 2907-2921.
- Глущенко Ю.Н., Коробов Д.В., Кальнищкая И.Н. 2008. Весенний пролёт птиц в долине реки Раздольной (Южное Приморье). Сообщение 3. Соколообразные // *Рус. орнитол. журн.* **17** (426): 971-983.
- Глущенко Ю.Н., Липатова Н.Н., Мартыненко А.Б. 2006а. *Птицы города Уссурийска: фауна и динамика населения*. Владивосток: 1-264.
- Глущенко Ю.Н., Нечаев В.А., Редькин Я.А. 2016. *Птицы Приморского края: краткий фаунистический обзор*. М.: 1-523.
- Глущенко Ю.Н., Шибнев Ю.Б., Волковская-Курдюкова Е.А. 2006б. Птицы // *Позвоночные животные заповедника «Ханкайский» и Приханкайской низменности*. Владивосток: 77-233.
- Елсуков С.В. 2013. *Птицы Северо-Восточного Приморья: Неворобьиные*. Владивосток: 1-536.
- Лабзюк В.И., Назаров Ю.Н., Нечаев В.А. (1971) 2020. Птицы островов северо-западной части залива Петра Великого // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1981): 4626-4660.
- Лаптев А.А., Медведев В.Н. 1995. Птицы // *Кадастр наземных позвоночных животных Лазовского заповедника. (Аннотированные списки видов)*. Владивосток: 10-42.
- Назаренко А.А. 1971. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.
- Назаров Ю.Н. 2004. *Птицы города Владивостока и его окрестностей*. Владивосток: 1-276.
- Нечаев В.А. (2006) 2016. Весенние миграции птиц в долине реки Раздольной (Южное Приморье) // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1271): 1269-1276.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Пржевальский Н.М. 1870. *Путешествие в Уссурийском крае в 1867-1869 гг.* СПб.: 1-298.
- Пукинский Ю.Б. 2003. Гнездовая жизнь птиц бассейна реки Бикин // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* Сер. 4. **86**: 1-267.
- Спангенберг Е.П. (1965) 2014. Птицы бассейна реки Имана // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1065): 3383-3473.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Шибнев Ю.Б. 1989. Камышовый лунь *Circus aeruginosus spilonotus* Kaup, 1847 // *Редкие позвоночные животные советского Дальнего Востока и их охрана*. Л.: 85-86.
- Шибнев Ю.Б., Глущенко Ю.Н. 1988. Зимовка хищных птиц в юго-западном Приморье в 1985/1986 гг. // *Редкие птицы Дальнего Востока и их охрана*. Владивосток: 108-111.
- Шохрин В.П. (2016) 2017. Луни на юго-востоке Приморского края // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1393): 186-188.
- Шохрин В.П. 2017. *Птицы Лазовского заповедника и сопредельных территорий*. Лазо: 1-648.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-436.
- Brazil M.A. 2009. *Birds of East Asia*. London: 1-528.
- Check-List of Japanese Birds*. 2012. 7th Revised Edition. Ornithological Society of Japan: 1-439.

- Del Hoyo J., Collar N.J. 2014. *HBW and BirdLife International Illustrated Checklist of the Birds of the World*. Vol. 1: Non-passeriformes. Barcelona: 1-903.
- Moore N., Kim A. 2014. The Birds Korea Checklist for the Republic of Korea // <http://www.inquiries@birdskorea.org>.
- Nechaev V.A., Gorchakov G.A. 2009. Ornithological fauna of Razdolnaya River delta and the adjacent area // *Ecological Studies and the State of Ecosystem of Amursky Bay and the Estuarine Zone of the Razdolnaya River (Sea of Japan)* **2**: 285-320.
- Tomek T. 1999. The birds of North Korea. Non-Passeriformes // *Acta zool. cracov.* 42, 1: 1-217.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1984: 4755-4759

Редкие виды птиц Линдуловской рощи (Ленинградская область)

Д.В.Кулаков, Е.А.Кутерницкая

Дмитрий Владимирович Кулаков. Санкт-Петербургское отделение Института геоэкологии им. Е.М.Сергеева РАН, Средний пр., д. 41, Санкт-Петербург, 199004, Россия. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: dvkulakov@mail.ru

Елена Андреевна Кутерницкая. Институт экспериментальной медицины, ул. Академика Павлова, д. 12, Санкт-Петербург, 197376, Россия. E-mail: elenakuter@mail.ru

Поступила в редакцию 25 сентября 2020

Государственный природный комплексный заказник Линдуловская роща располагается в Выборгском районе Ленинградской области, на юго-западе центральной части Карельского перешейка, в среднем течении реки Рощинки (60.24° с.ш.; 29.54° в.д.). Высота над уровнем моря составляет 40-60 м. Заказник организован в 1976 году с целью сохранения старейшего в Европе и России искусственного насаждения лиственницы сибирской *Larix sibirica*, заложенного в 1738 году лесоводом Ф.Г.Фокелем и его учениками. В цели заказника также входит поддержание биологического разнообразия и сохранение редких видов растений, грибов, животных и мест их обитания.

Климатические условия Линдуловской рощи определяются близким расположением Балтийского моря, обуславливающим повышенную относительную влажность воздуха. Среднегодовое количество осадков составляет 624 мм. Вегетационный период продолжается в среднем 163 дня (Редько, Мялкенен 2003).

Линдуловская роща расположена в прибалтийской провинции южной подзоны тайги, где типичными коренными лесами являются ельники с примесью сосны, берёзы и осины. В современных границах площадь заказника составляет 1003 га. Насаждения лиственницы (рис. 1) произрастают на площади 47.5 га, располагаются на склонах долины

реки Рошинки (вытекает из Рошинского озера в посёлке Рошино и через 15 км сливается с Гладышевкой, образует реку Чёрную) и относятся к типу лиственничников кисличных. Остальная площадь заказника занята ельниками черничными и чернично-сфагновыми. В долине реки Рошинки (рис. 2) и на её склонах развиты ельники кисличные с богатым разнотравьем широколиственных лесов, местами произрастают липа, клён, вяз, орешник. Флора заказника насчитывает 335 видов сосудистых растений, среди которых 21 вид охраняется. Фауна наземных позвоночных в целом типична для светлых хвойно-мелколиственных лесов Карельского перешейка, она сравнительно бедна в видовом отношении (Красная книга... 1999).

Рис. 1 (слева). Насаждения лиственницы, 18 апреля 2015.
Рис. 2 (справа). Река Рошинка в среднем течении, 30 июля 2017.

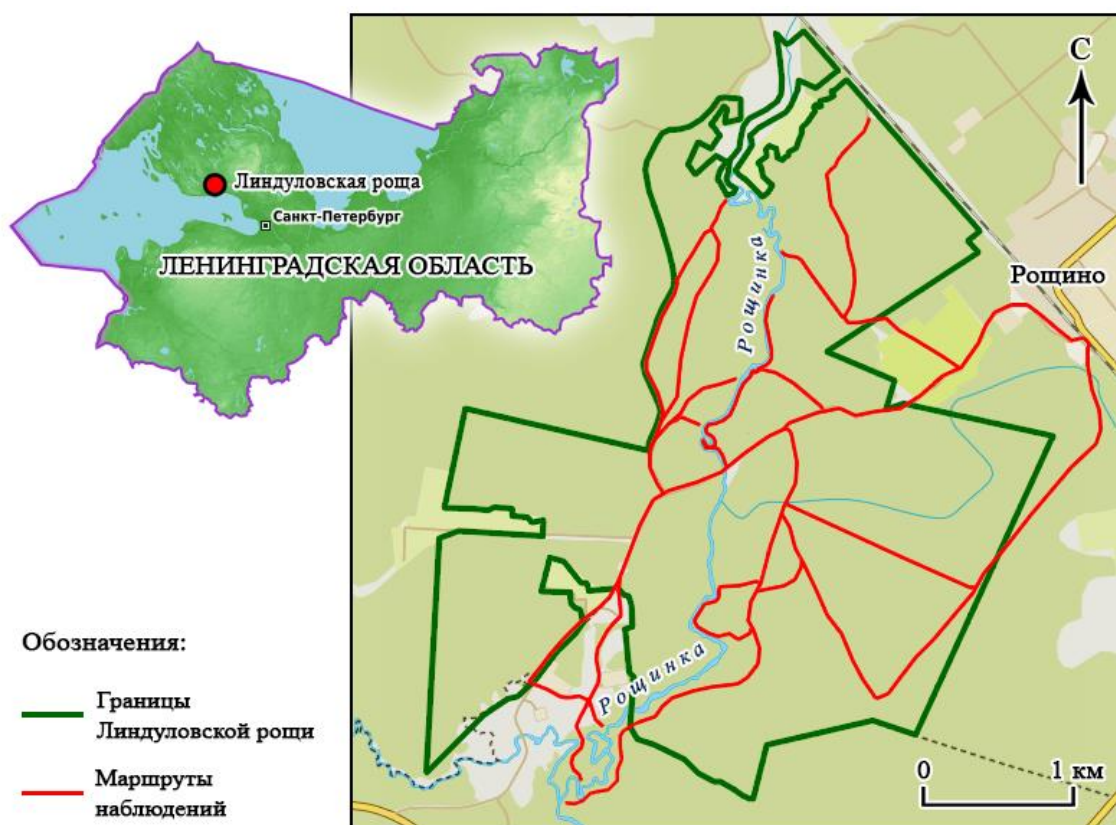

Рис. 3. Маршруты наблюдений в Линдуловской роше и на прилегающих к заказнику территориях.

Орнитологические наблюдения в Линдуловской роще проводились нами в период с 14 марта 2015 по 7 августа 2020. Для выяснения видового состава птиц и численности отдельных видов использовался маршрутный метод (Бибби и др. 2000; Константинов, Михеев 2000). Маршруты наблюдений были распределены таким образом, чтобы охватить разные биотопы заказника (рис. 3). В период гнездования птиц (с середины апреля до середины июля) исследования велись еженедельно, в остальное время – с периодичностью 1-2 раза в месяц. Автор всех фотографий, представленных в статье – Д.В.Кулаков.

По данным на 2010 год, в Линдуловской роще обитает 81 вид птиц (Голубева и др. 2010). В дополнение к этому списку нами были обнаружены ещё 4 вида: чирок-свистунок *Anas crecca* (рис. 4), гоголь *Bucephala clangula* (рис. 5-7), кедровка *Nucifraga caryocatactes* и зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides*.

Рис. 4 (слева). Самец чирка-свистунка *Anas crecca*. Линдуловская роща. 30 мая 2015.
Рис. 5 (справа). Самец и самка гоголя *Bucephala clangula*. Линдуловская роща. 26 марта 2016.

Рис. 6 (слева). Выводок гоголя *Bucephala clangula*. Линдуловская роща. 3 июля 2016.
Рис. 7 (справа). Птенец гоголя *Bucephala clangula*. Линдуловская роща. 3 июля 2016.

Комплекс доминирующих видов исследованной территории составляли: большая синица *Parus major*, чиж *Spinus spinus*, зяблик *Fringilla coelebs*, желтоголовый королёк *Regulus regulus*, зарянка *Erithacus rubecula*, крапивник *Troglodytes troglodytes*, чёрный дрозд *Turdus me-*

rula. Часто встречались большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, пеночки теньковка *Phylloscopus collybita* и весничка *Ph. trochilus*, пухляк *Poecile montanus*, хохлатая синица *Lophophanes cristatus*, сойка *Garrulus glandarius*, серая ворона *Corvus cornix*, белая трясогузка *Motacilla alba*, рябчик *Tetrastes bonasia*, обыкновенная кукушка *Cuculus canorus*. Фауна околородных станций представлена несколькими видами, среди которых на реке Рощинке чаще всего встречались кряква *Anas platyrhynchos*, гоголь *Bucephala clangula* и перевозчик *Actitis hypoleucos*.

В Линдуловской роще обитают редкие птицы, включённые в Красную книгу Ленинградской области и охраняемые в заказнике: обыкновенная горлица *Streptopelia turtur*, болотная сова *Asio flammeus*, зимородок *Alcedo atthis*, белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos* и оляпка *Cinclus cinclus* (Красная книга... 2002, Голубева и др. 2010). Кроме того, из обитающих в заказнике видов, в Красную книгу Ленинградской области включены трёхпалый дятел *Picoides trydactylus* и кедровка *Nucifraga caryocatactes*.

Ниже приводится список малочисленных, а также редких и охраняемых в Линдуловской роще видов птиц, зарегистрированных нами.

Чирок-свистунок *Anas crecca*. Пара встречена на реке Рощинке 30 мая 2015. Одиночные самцы наблюдались 29 мая и 4 июня 2016; 1 мая 2017 встречены 2 пары свистунков, 10 июня 2017 зарегистрирован одиночный самец; 20 апреля 2019 встречена пара, 12 и 19 мая 2019 – одиночный самец.

Осоед *Pernis apivorus*. Одиночных особей наблюдали 5 июля 2015 и 6 июня 2017.

Канюк *Buteo buteo*. Две птицы, кружащие над лесом, встречены 27 мая 2017. Одиночный канюк наблюдался 17 сентября 2017.

Зимородок *Alcedo atthis*. Одиночные особи наблюдались на реке Рощинке 27 июля 2015, 29 мая, 3 июля и 3 сентября 2016; в 2020 году 12 июня встречена пара зимородков. Кроме того, в 2020 году 17 и 25 апреля зимородок встречался за пределами территории заказника на участке реки Рощинке между посёлком Рошино и железнодорожной станцией «63-й километр».

Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*. Пара встречена 7 мая 2017 среди древесно-кустарниковых зарослей в районе моста через Рощинку; 19 мая 2020 в том же месте слышали «барабанную дробь».

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Одиночный наблюдался 18 апреля 2015 у центрального входа в заказник (рис. 8)*. Кроме того, 23 июля 2020 за пределами Линдуловской рощи в лесу между посёлком Рошино и железнодорожной станцией «63-й километр» были встречены молодой и взрослый трёхпалые дятлы.

* Ссылка на видео: https://www.youtube.com/watch?v=uipHSQKtF_I

Рис. 8 (слева). Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Линдуловская роща. 18 апреля 2015.

Рис. 9 (справа). Оляпка *Cinclus cinclus*. Река Рощинка. 5 марта 2017.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Две птицы, державшиеся вместе, встречены в заказнике 30 мая 2015, 9 апреля и 4 июня 2016; 16 августа 2018 мы слышали голос кедровки (Кулаков, Кутерницкая 2019). 10 июля 2019 видели одну особь.

Оляпка *Cinclus cinclus*. Две оляпки встречены на реке Рощинке 26 марта 2016 и 5 марта 2017 (рис. 9)*. Одиночные особи на разных участках реки наблюдались 23 и 25 марта 2020.

Зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides*. Пение зелёной пеночки мы слышали 11 июня 2017, 12 июня 2018, 16 июня 2019 и 6 июня 2020 в смешанном лесу на берегу реки Рощинки.

Литература

- Бибби К., Джонс М., Марсен С. 2000. Методы полевых экспедиционных исследований. Исследования и учёты птиц. М.: 1-186.
- Голубева Е.Б., Липовицкая И.Н., Бубличенко Ю.Н., Донская М.В., Дмитриев Н.В. 2010. Материалы комплексного экологического обследования участков территории, обосновывающие внесение изменений в Положение о государственном природном ботаническом заказнике «Линдуловская роща». СПб.: 1-95.
- Константинов В.М., Михеев А.В. (ред.). 2000. Позвоночные животные и наблюдения за ними в природе. М.: 1-200.
- Красная книга Ленинградской области. Т. 1. Особо охраняемые природные территории. 1999. СПб: 1-350.
- Красная книга Ленинградской области. Т. 3. Животные. 2002. СПб: 1-480.
- Кулаков Д.В., Кутерницкая Е.А. 2019. Наблюдения кедровок *Nucifraga caryocatactes* в посёлке Рощино и Линдуловской роще (Ленинградская область) // Рус. орнитол. журн. 28 (1727): 525-526.
- Редько Г.И., Мялкенин Э. 2003. Линдуловская лиственничная роща. Хельсинки: 1-90.

* Ссылка на видео: <https://www.youtube.com/watch?v=9SEBXZ9afaE>

Встреча мандаринки *Aix galericulata* в Александровском парке города Пушкина (Санкт-Петербург)

Д.Ю.Остапенко

Дарья Юрьевна Остапенко. ООО «АМ«Б2». Колпино, Санкт-Петербург, 196653, Россия.
E-mail: grushevyyi@rambler.ru

Поступила в редакцию 23 сентября 2020

Мандаринку *Aix galericulata* встречали в Санкт-Петербурге неоднократно. Первый раз её видел А.В.Богуславский в феврале 1999 года на реке Мойке у Летнего сада (Храбрый 2015), в последующие годы её наблюдали в границах города ещё несколько раз (Назарова 2005; Домбровский 2010; Остапенко 2018, 2019; Тарасенко 2018; Бардин 2020).

В 2020 году самца мандаринки наблюдали в Александровском парке города Пушкина (Санкт-Петербург). Первое сообщение в Интернете появилось от пользователя социальной сети «ВКонтакте» Юлии Беловой (<https://vk.com/ulechka1708>) от 2 сентября 2020 (рис. 1).

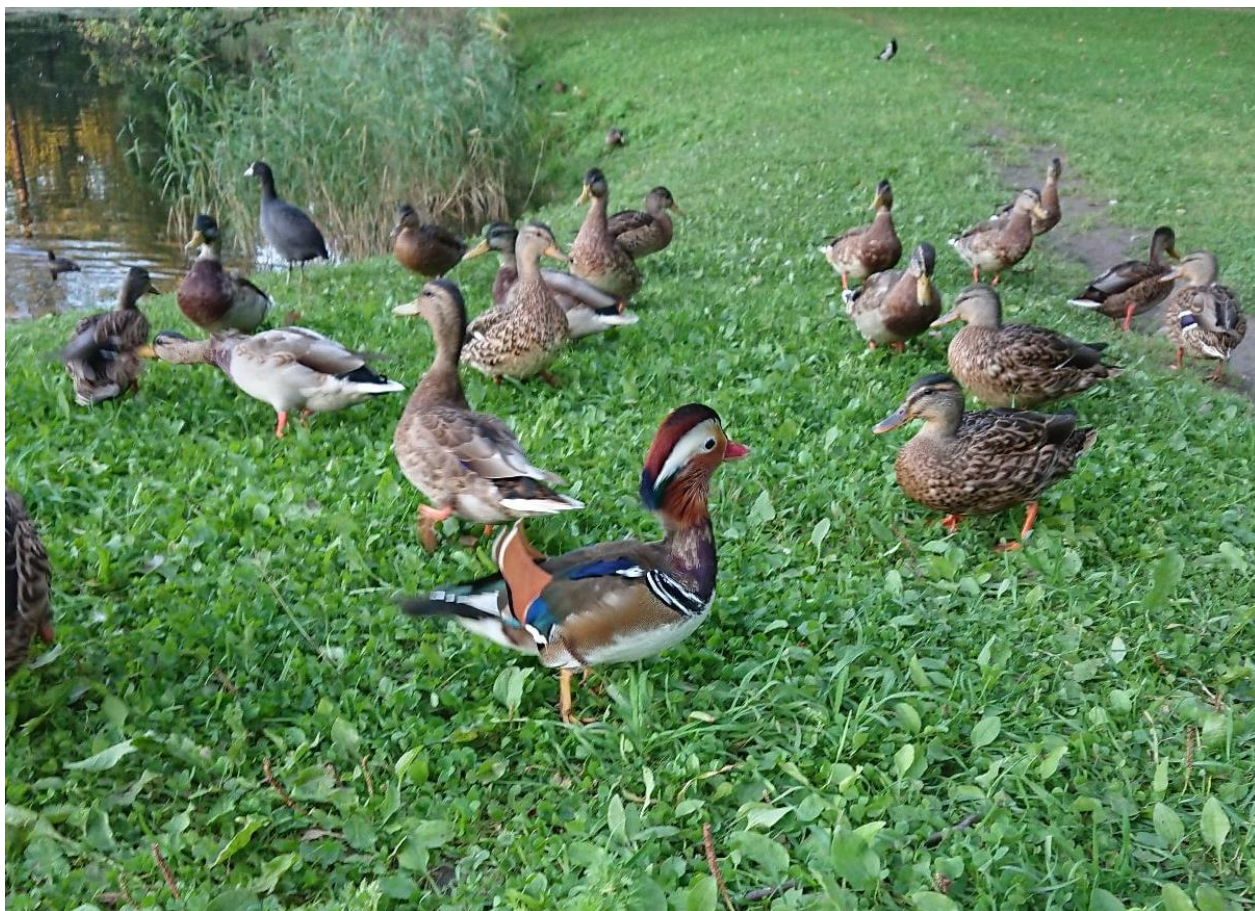

Рис. 1. Самец мандаринки *Aix galericulata* в Александровском парке города Пушкина. Санкт-Петербург. 2 сентября 2020. Фото Ю.Беловой.

Рис. 2. Самец мандаринки *Aix galericulata* в Александровском парке города Пушкина. 12 сентября 2020. Фото И.Машиной.

Последняя фотофиксация мандаринки в этом парке сделана 12 сентября 2020 Ириной Машиной (<https://vk.com/irinamashina>) (рис. 2).

19 сентября 2020 Д.Ю.Остапенко ездила в Александровский парк, но птицу не обнаружила. По информации местных жителей, последний раз мандаринку видели 16 сентября 2020. Во время пребывания на пруду Александровского парка птица вела себя спокойно и людей не боялась. Выходила вместе с кряквами *Anas platyrhynchos* на берег за едой, которой подкармливают птиц посетители парка.

Л и т е р а т у р а

- Бардин А.В. 2020. Встреча мандаринки *Aix galericulata* на реке Чёрной на Карельском перешейке // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1933): 2615-2616.
- Домбровский К.Ю. 2010. Наблюдения мандаринки *Aix galericulata* в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* **19** (599): 1722-1723.
- Назарова С.А. 2005. Встреча мандаринки *Aix galericulata* на реке Сестре в Сестрорецке // *Рус. орнитол. журн.* **14** (300): 902-903.
- Остапенко Д.Ю. 2018. Весенняя встреча самца мандаринки *Aix galericulata* в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1618): 2594-2596.
- Остапенко Д.Ю. 2019. Новые данные о встречах мандаринки *Aix galericulata* в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2017 и 2019 годах // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1844): 5149-5153.
- Тарасенко И.Р. 2018. Встреча мандаринки *Aix galericulata* на реке Монастырке в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1691): 5487-5489.
- Храбрый В.М. 2015. *Птицы Петербурга: Иллюстрированный справочник*. СПб.: 1-463.

Залёты белощёкой крачки *Chlidonias hybrida* и черноголовой чайки *Larus melanocephalus* в Московскую область

С.П.Харитонов

Второе издание. Первая публикация в 1986*

10 мая 1984 в окрестностях посёлка Виноградово Воскресенского района Московской области (около 75 км к юго-западу от Москвы) встречены 2 белощёкие крачки *Chlidonias hybrida*. Птицы замечены в пойме реки Москвы, держались в пределах небольшой (около 30 пар) колонии озёрных чаек *Larus ridibundus*. Во время наблюдений птицы несколько раз взлетали и садились примерно в то же место, однако в последующие дни больше не отмечены. Ближайшие районы гнездования белощёких крачек – юг Украины, бассейн Дона, юг Поволжья (до широты Саратова), отмечены на гнездовании в Литве; ближайший зарегистрированный залёт – в Псковскую область (Иванов 1976). В Московской области ранее белощёкая крачка не отмечалась.

Одиночная черноголовая чайка *Larus melanocephalus* встречена 13 мая 1984 в пределах города Химки Московской области. Наблюдения за птицей продолжались более полутора часов, она была хорошо рассмотрена с близкого (до нескольких метров) расстояния и опознана по голосу. Черноголовая чайка в течение всего времени наблюдений пыталась захватить территорию в пределах колонии озёрных чаек (численность колонии около 400 пар), но неизменно изгонялась. Данная колония озёрных чаек расположена в урбанизированной местности, рядом с хозяйственными постройками, гнёзда помещались на сплаvine из зарослей рогоза. Это второй зарегистрированный залёт черноголовой чайки в Московскую область, первый был отмечен в 1982 году и на 100 км южнее (Зубакин, Харитонов 1983).

Литература

- Зубакин В.А., Харитонов С.П. (1983) 2018. Залёт черноголовой чайки *Larus melanocephalus* в Московскую область // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1572): 928-929.
Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-276.

* Харитонов С.П. 1986. Залёты белощёких крачек и черноголовой чайки в Московскую область // *Орнитология* **21**: 142-143.

Эколого-этологические особенности гнездования воробьиных птиц в тундре

К.Е.Михайлов

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Изучение особенностей гнездования в тундре широко распространённых видов воробьиных птиц *Passeriformes* выявляет наличие у них эколого-этологических адаптаций к экстремальным условиям гнездования в этой зоне, позволивших этой группе птиц проникнуть и расселиться в Субарктике за несколько последних десятилетий (Успенский 1959, 1969; Кищинский 1961; Михайлов, Фильчагов 1984). Виды-субаркты, также прошедшие, видимо, эту стадию, приобрели к настоящему времени и более глубокие адаптации, в том числе на популяционном уровне.

Материал и методика

Статья основана на материалах, собранных летом 1979 и 1980 годов при работе в составе экспедиции Кандалакшского отдела Географического общества СССР в различных районах тундры и лесотундры Кольского полуострова (подробнее и геоботаническую характеристику района – см.: Михайлов, Фильчагов 1984). Также использованы литературные сведения по рассматриваемому вопросу и материалы, представленные другими участниками экспедиций 1977-1980 годов – А.В.Фильчаговым, В.Ю.Семашко, С.Б.Ганусевичем и А.С.Черенковым, которым автор выражает искреннюю признательность.

Результаты и обсуждение

1. Кустарниково- и древесно-гнездящиеся виды. Чечётки (тундряная *Acanthis hornemanni* и обыкновенная *A. flammea*) в наиболее выраженных тундровых районах северной части Кольского полуострова (между Кейвами и побережьем Баренцева моря) явное предпочтение во время гнездования отдают кустам можжевельника с высокой плотностью хвои. Высота расположения здесь 12 гнёзд 0.25-1.4 м, причём 10 гнёзд располагались на высоте ниже 1 м (из них половина – в интервале 0.25-0.5 м, т.е. у самой земли, и столько же от 0.6 до 1 м). Заметим, что условия прикрепления, особенно в долинах речек у побережья Баренцева моря, где встречаются и пятна березняков, позволяли чечёткам гнездиться выше (высота берёз до 3-5 м) и преимущественно на берёзах. 8 гнёзд располагались в верхней части можжевельникового куста, из них 7 – в верхней трети, 2 – в середине куста и лишь 1 – в нижней

* Михайлов К.Е. 1986. Эколого-этологические особенности гнездования воробьиных птиц в тундре // Орнитология 21: 3-12.

половине. Лишь в 2 случаях гнёзда помещались в сплошных зарослях можжевельника, в 10 – на отдельно стоящих кустах, при этом предпочтение (9 гнёзд) отдавалось невысоким (0.6-1 м), но более компактными кустам, хотя высота многих деревцев можжевельника на островах реки Иоканьги достигала 1.5-2 м. 5 гнёзд располагались в кустах диаметром до 1 м и 4 – с большим; из 7 гнёзд 3 помещались в центре куста, у основного стволика, 4 – на периферии. Ориентация расположения гнёзд относительно стволика куста или вытянутой линии кустов не выражена. Гнёзда чечёток в большинстве случаев укрыты от ветра ветвями кустарника и окружающей растительностью, но всё же не в такой степени, как у белобровика. Так, из 12 гнёзд лишь 3 помещались в «плотных» и «очень плотных» кустах, а 9 – в «рыхлых», плохо защищённых сверху, т.е. были укрыты относительно хуже. Тем не менее, гнездование чечёток всё же приурочено к пойме и первой террасе рек, где можжевельники плотнее и растут гуще, чем в более удалённых от реки местах. В частности, на склонах холмов, в 1-3 км от русла реки Иоканьги, где развиты можжевельниковые лески, не найдено ни одного гнезда чечёток, в том числе прошлогодних и более старых. Кусты здесь сильно угнетены, хвоя и ветви развиты слабо и беспрепятственно продуваются ветром. Отсутствуют чечётки и в островках берёзового криволеся, обычных в южных частях тундры у рек Харловка и Рында. Из 14 гнёзд 11 располагались в развилке или беспорядочном пересечении боковых веточек, 3 – в развилке основного ствола и отходящих от него боковых ветвей. В западных частях Кольского полуострова, в долинах рек Териберка и Мучка, где берёзняки развиты хорошо и местами по плотности и высоте берёз и кустарника адекватны лесным участкам, гнёзда чечёток располагались преимущественно на низкорослых берёзах (30 и 49 гнёзд), однако в нижней их части, и лишь 16 – на можжевельнике (Кищинский 1960).

Дрозд-белобровик *Turdus iliacus* в тундре северной части Кольского полуострова гнездится в более укрытых от ветра и осадков местах, чем чечётки. Из 45 обследованных гнёзд этого вида 40 располагались над землёй (37 – в можжевельниковых кустах) и только 5 – на земле, однако многие гнёзда, прошлогодние и более старые, сделанные на земле, остаются недоступными для учёта, в связи с чем мы склонны думать, что общее их количество не меньше первых. Из 13 гнёзд, обследованных в Териберском районе Кольского полуострова А.А.Кищинским, 6 располагались на земле, 4 – на основном стволике берёзы и 3 – над землёй, на берёзах и можжевельнике. Найденные нами на земле 5 гнёзд размещались следующим образом: 1 – под комлем берёзы среди поросли, 2 – меж двух крупных корней, примыкая к основному стволу, 1 – в основании мощного куста ивы и 1 – в выемке почвы под стелющимся кустиком можжевельника на склоне ручья южной экспозиции. Из 37 гнёзд,

сделанных в можжевельнике, 92% располагалось на высоте 0.1-0.6 м; средняя высота расположения основной массы гнёзд – 0.4 м. В 63% случаев предпочтение отдавалось кустам высотой 1-1.5 м, реже белобровики выбирали кусты меньшие, до 1 м (20% гнёзд), и большие – 1.6-1.8 м (17%). В сплошной стене кустарника располагалось 5 гнёзд (11%), остальные – на отдельно стоящих кустах, составляющих группу, при этом одинаковое число гнёзд сделано на кустах диаметром менее 1 м и от 1 до 1.5 м, т.е. сам по себе диаметр куста не имел значения. 19 гнёзд (70%) располагалось в нижней половине куста, из них 12 – в нижней трети, 4 гнезда – в середине куста и столько же в верхней половине. Таким образом, подавляющее большинство гнёзд было сделано в месте начального разветвления основного стволика на ряд побочных (Григорьев 1956). Гнёзда белобровиков прикреплялись как между боковыми ветками и стержневым стволиком (50%), так и между несколькими стволиками (50%). 73% гнёзд ориентировано относительно стволика или линии кустов в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. Ещё в большей степени, чем чечётки, белобровики отдают предпочтение кустам «плотным» и «очень плотным», с максимальной сомкнутостью хвой с боков и сверху, где находилось 74% гнёзд. В частности, 22 старых гнезда этого вида найдено на островках в русле Иоканьги общей площадью 1.5 га. Только здесь произрастают мощные деревца можжевельника с густой хвоей (ни одного гнезда на берёзе). Уже на первой террасе реки, на значительно большей площади, где можжевельники гораздо рыхлее и насквозь продуваются ветром, найдено всего 5 гнёзд белобровика. Из 11 гнёзд, обнаруженных в берёзовом криволесье у моря, лишь 3 были сделаны на берёзах, а 8 – в можжевельниковых кустах. В посёлках низовьев реки Поной обнаружены гнёзда белобровиков, сделанные на антеннах связи на высоте 10 м, но там, где бортики создавали укрытую от ветра нишу.

Гнездование дрозда-рябинника *Turdus pilaris* зарегистрировано нами только в лесотундре и в березняках на побережье Баренцева моря. Все 10 гнёзд, из них 8 старых, сделаны на берёзах, на высоте 1-4.5 м. Одно гнездо было сделано в утолщении ствола, охватившего его с четырёх сторон, одно – в полудупле (укрыто с боков и сверху), остальные открыто, в развилке основного ствола и двух боковых веточек. В одном случае на той же берёзе и на той же высоте, что и гнездо с птенцами, располагались два старых гнезда рябинника, возможно, той же пары (одно на той же ветке, другое – на соседней). В низовьях реки Поной отмечено гнездование рябинника в водораздельной тундре: гнездо размещалось в кустике можжевельника, а также на карнизах домов в посёлке.

2. Наземногнездящиеся виды. Из 10 гнёзд лапландского подорожника *Calcarius lapponicus*, найденных в тундре между Рындой и Ио-

каньгой, 4 гнезда были сделаны в углублении на склоне кочки, 5 – в нише под кочкой, при этом уровень лотка всегда был ниже уровня субстрата. Такую же микростацию подорожник выбирает повсюду в тундровой зоне (Гладков 1951; Михеев 1939). Два гнезда, найденные на островках реки Йоканьги, располагались на песчаном грунте с луговой растительностью, причём одно – в пещерке под корягой, полностью укрывшей его сверху и с двух сторон. Из 10 гнёзд лишь 5 были хорошо скрыты ерником и багульником. В сухих лишайниковых ассоциациях гнёзда приурочены к трещинам почвы (Дунаева, Кучерук 1941), т.е. также погружены в субстрат.

Луговой конёк *Anthus pratensis* часто устраивает гнёзда в заболоченных участках тундры и лесотундры: образование мочажины сопряжено здесь со вспучиванием высыхающего впоследствии торфяного ядра (Григорьев 1956) – предпочтительного элемента гнездовой микростанции этого вида. Гнёзда хорошо укрыты от ветра и осадков с боков и сверху, основание гнезда остаётся сухим. 12 из 23 гнёзд располагались сбоку и внутри кочки, практически в «норке»; 6 – сбоку кочки в углублении (верхний свод в этом случае образован не дерновиной, а плотными зарослями вороники и ерника); 2 – под комлем берёзы (в лесотундре); 1 – среди густой травы в естественной «норке» под злаковой дерновиной и 1 – в углублении почвы у основания камня под навесом его выступа. А.А.Кищинский (1960) находил гнёзда луговых коньков в Териберской тундре под камнем, в углублении между двух камней и среди ерника без прикрытия сверху. Как правило, вход в гнездо тщательно скрыт ерником и багульником.

Варакушка *Luscinia svecica*, овсянка-крошка *Emberiza pusilla*, желтоголовая трясогузка *Motacilla cotreola* и жёлтая трясогузка *Motacilla flava*, хотя и предпочитают различные биотопы, в одинаковой степени стремятся помещать свои гнёзда в укрытиях: в береговых обрывах и углублении под корнями кустарника, в кустарнике на гривках, под сучьями старого пня, под горизонтально идущим стволом ивы. Сверху гнездо часто укрыто свисающей с ивы сухой травой или мхом. Таким же образом были размещены в тундре у Йоканьги 4 из 6 гнёзд пеночки-веснички *Phylloscopus trochilus*. Из них 2 тщательно укрыты с боков и сверху (крыша шалашика находится на уровне субстрата); 2 гнезда – наполовину приподняты над почвой и несколько хуже укрыты сверху. Все гнёзда скрыты кустами ерника, вороники или багульника. 2 гнезда располагались совершенно открыто: 1 – на санном пути, 1 – на оленьей тропе. 5 из 6 гнёзд веснички, найденных в Териберской тундре (Кищинский 1960), не были прикрыты сверху, «и от дождя их спасали лишь собственные стенки и крыша». Тем не менее, внутри гнёзда всегда оставались сухими. Одно гнездо веснички помещалось в подснежном гнезде лемминга.

Более открыто в разреженном невысоком ивняке поймы тундровых рек делает гнёзда камышовая овсянка *Emberiza schoeniclus*, её гнёзда всегда располагались на сухом месте. 3 найденных нами гнёзда находились на ровном месте, несколько выше уровня субстрата; прикреплены к слабому стеблю ивы, с боков и сверху ничем не прикрыты. Каменка *Oenanthe oenanthe*, пуночка *Plectrophenax nivalis*, а также такие редкие, локально проникающие в Субарктику виды, как оляпка *Cinclus cinclus*, скальный конёк *Anthus petrosus*, ласточка-береговушка *Riparia riparia*, гнездятся в хорошо укрытых от ветра и осадков нишах. При этом первые два вида и скальный конёк используют в тундре «модель» горной гнездовой микростации, помещая гнёзда под камнями — в сплошных каменистых россыпях на плакорах и промытых ручьями каменистых расселинах (каменка, пуночка); в трещинах скал, обрывающихся к морю (пуночка, скальный конёк); в глубоких (до 1 м) трещинах торфа на бугристых болотах и норах леммингов (каменка). Величина камня и высота, на которой расположено укрытие, не играют роли; для каменки, видимо, безразлична и степень каменистости гнездового участка (гнездится в бугристых болотах, в плавнике на берегу моря). Белая трясогузка *Motacilla alba* с одинаковым успехом гнездится везде, где выполняются два условия: близость воды, диктуемая особенностями кормового поведения, и наличие укрытой ниши, где помещается гнездо (в песчаных обрывах рек, под оползнями, под каменными плитами в горной тундре, на поперечных балках домов, в том числе изнутри, в трещинах торфяных бугров).

По степени укрытости от ветра и осадков можно условно классифицировать гнёзда и соответственно гнездовые микростации как: «абсолютно укрытые» — в глубоких нишах в скалах, среди камней, в норах и трещинах торфа, постройках человека и плотных кустах можжевельника; «полуукрытые» — в укрытых сверху и с трёх сторон неглубоких нишах (норках, пещерках), так что продуваться могут только со стороны входа в гнездо (внутри кочки, под кочкой, под корягой, комлем берёзы, корнями кустарника, дерновиной злаков и т.д.); «слабо укрытые» — открытые или плохо укрытые сверху гнёзда, но, как правило, хорошо укрытые с боков (среди луговой растительности в ямке, на склоне кочки и т.д.); «абсолютно открытые» — гнёзда, расположенные открыто и защищённые от ветра и осадков лишь стенками гнезда (большей частью на деревьях, редко — на земле). Каменка, пуночка, скальный конёк, береговушка в подавляющем большинстве случаев выбирают «абсолютно укрытые» микростации; близки к этому белая трясогузка, луговой и краснозобый *Anthus cervinus* коньки, варакушка, гнёзда которых либо «абсолютно укрыты», либо «полуукрыты». К этим же категориям принадлежат гнёзда дрозда-белобровика, сделанные на земле или в плотных кустах можжевельника (85% гнёзд). Лишь 15% гнёзд

этого вида «слабо укрыты» (в рыхлых кустах можжевельника) или «абсолютно открыты» (на берёзах). Стремятся помещать свои гнёзда в наиболее защищённых от ветра частях можжевельникового куста и чечётки, однако, предпочитая рыхлые кусты, они проигрывают белобровику по степени укрытости гнезда («полуукрытые» и «слабо укрытые» гнёзда). «Полуукрытые» гнезда жёлтых и желтоголовых трясогузок, овсяннички. Многие гнёзда веснички относятся к категориям «абсолютно укрытых» и «полуукрытых». В меньшей степени укрыты от осадков и ветра гнёзда камышовой овсянки и камышевки-барсучка *Acrocephalus schoenobaenus*; часть гнёзд лапландского подорожника «полуукрыты», часть – «слабо укрыты», всегда хорошо защищены от прямого действия северо-западных ветров, но в большей степени, чем у варакушки, коньков и белобровика, открыты сверху. «Абсолютно открыто» большинство гнёзд юрка *Fringilla montifringilla* и рябинника, из наземногнездящихся, вероятно, – у рогатого жаворонка *Eremophila alpestris*.

Преимущественная ориентация лотка гнёзд на юго-восток, реже на восток и юг действует как навык на уровне вида у субарктиков – лапландского подорожника и краснозобого конька (Михеев 1939; Гладков 1951; Успенский 1969; наши данные). У лугового конька – вида, недавно расселившегося в тундре, – преимущественная ориентация лотка, по нашим данным, не выражена. В преимуществе расположения гнезда на юго-восточном склоне кочки или в глубоком укрытии мы имели возможность убедиться в период «морянь» 12-14 июня 1981. После двухдневной пурги все северные, северо-западные и западные склоны были сплошь запорошены снегом, образовавшим к тому же «пятна оледенения», тогда как юго-восточные склоны были свободны от снега, и самка подорожника продолжала насиживать яйца. Гнездо лугового конька, сделанное внутри кочки, оставалось сухим изнутри, хотя снег облепил растительность вокруг входа в «норку».

Виды, гнездящиеся на деревьях и кустах (белобровик, рябинник, чечётки, юрок), статистически значимо гнездятся в Субарктике ниже, чем в таёжной зоне и средней полосе (Владимирская 1948; Успенский 1969); диктуется это микроклиматическими условиями гнездования, а не условиями прикрепления, позволяющими в тундре гнездиться значительно выше (Кищинский 1960; Успенский 1969; наши данные). Не только белобровик, но и рябинник может спускаться в тундре на землю, гнездясь в укрытых от ветра земляных обрывах (Гладков 1951). Многие наземные виды используют особенности микрорельефа, структуру почвы, характер произрастания кустарников и кустарничков для максимального погружения своих гнёзд в субстрат. Преимущественное использование микростаций «закрытого типа» является характерной чертой воробьиных птиц в тундре. При этом так называемые случаи нетипичного гнездования видов таёжной и лесной зон при проникновении

последних в тундру становятся весьма обычными. То же наблюдается и в Субвысокогорье (Ковшарь 1979).

Н.Н.Данилов и В.А.Тарчевская (1962) отметили, что гнёзда рябинника и белобровика на Полярном Урале крупнее и имеют более толстые стенки, чем в Свердловской области. С.М.Успенский (1969) указывает на увеличение диаметра гнезда в Субарктике у варакушки и веснички, предполагает повышение теплоизолирующих свойств гнёзд у каменки, белой и жёлтой трясогузок. Увеличение диаметра гнезда, как правило, обусловлено утолщением его стенок. Диаметр лотка при сопоставлении данных из Субарктики, Средней полосы и Украины не изменяется у рябинника, белобровика, белой и жёлтой трясогузок, причём в первую очередь это касается средних величин. Некоторое увеличение средней глубины лотка с юга на север прослеживается у белобровика, рябинника, жёлтой трясогузки. Большую глубину лотка при одинаковом диаметре имеют гнёзда лапландского подорожника (субаркта) по сравнению с гнёздами широко распространённых видов – камышовой овсянки и овсянки-крошки. Более достоверно увеличение с юга на север крайних величин глубины лотка и его диаметра у тех же видов. Особенно глубокие гнёзда мы отметили у рябинника и серой вороны *Corvus cornix*. Увеличение абсолютной глубины лотка естественно должно повысить защищённость находящихся в нём птенцов от прямого действия ветра; увеличение относительной глубины лотка (выражается показателем d/g – отношение диаметра лотка к его глубине), т.е. приближение гнезда к сферической форме должно вести к тому же – к увеличению его собственной теплоёмкости. Сравнивая этот показатель, рассчитанный нами по данным промеров гнёзд, взятым из разных литературных источников (Данилов 1966; Кищинский 1960; Никитина 1959; Бровкина 1959; Дементьев, Гладков 1951-1954; Гладков 1951), получаем, что у широко распространённых видов дроздов – белобровика и рябинника, жёлтой и белой трясогузок, относительная глубина лотка увеличивается с юга на север (d/g убывает). Та же самая закономерность проявляется и внутри отдельных систематических групп (овсянок, вьюрковых, коньков), если идти от южных видов к северным. Отношение d/g колеблется в тундре в пределах 1.0-1.8, причём наибольшая относительная глубина у видов субарктов – d/g в среднем 1.3-1.5 (лапландский подорожник, чечётка); у широко распространённых видов, гнездящихся на земле, d/g 1.4-1.8, у видов, гнездящихся над землёй (юрка, рябинника, серой вороны), меньше – 1.3-1.4. В гнёздах разных особей одного вида эта величина колеблется в пределах 1.0-1.7 (лапландский подорожник), 1.0-1.8 (серая ворона). В Подмосковье, например (Никитина 1959), этот показатель колеблется у наземногнездящихся видов в пределах 1.86-2.67, т.е. интервалы даже не перекрываются. К «тундровым» гнёздам близок интервал у дуплогнездников

(d/g 0.84-1.3). Для ряда наземногнездящихся видов, гнёзда которых располагаются «внутри» кочки, истинное отношение d/g меньше 1, т.е. не уступает по этому показателю дуплам.

Заметное увеличение толщины стенок гнёзд с юга на север прослеживается у белой трясогузки – до 8 см (гнёзда у этого вида самые массивные и толстостенные из всех воробьиных птиц тундры, не считая серой вороны), небольшое – у белобровика. У рябинника же стенки гнёзд в Подмосковье не тоньше, чем на севере. В гнёздах веснички толщина наименее защищённой крыши шалашика в 2-3 раза больше боковых стенок. Более массивные стенки гнезда у лапландского подорожника в Субарктике, по сравнению с обыкновенной *Emberiza citrinella* и садовой *E. hortulana* овсянками в Подмосковье. У северных вьюрковых (чечётки, юрок) стенки гнёзд толще, чем у видов средней полосы. Для утепления гнезда воробьиные птицы используют в тундре преимущественно два материала – перо белой куропатки *Lagopus lagopus* и волос северного оленя *Rangifer tarandus*, гораздо в меньшей степени – мхи, ягель, пух ивы; для выстилки лотка идут перо и волос, остальные – в различной степени монтируются в стенки гнезда. У субарктов: лапландского подорожника, чечёток, пуночки, – в 100% случаев лоток выстлан пером куропатки. Из широко распространённых видов пером выстланы все гнезда у веснички, что свойственно ей, впрочем, на протяжении всего ареала.

В годы с холодной, неблагоприятной весной выстилка в гнёздах лапландского подорожника более обильна (Фильчагов, устн. сообщ.). Из коньков только краснозобый выстилает гнездо пером, причём преимущественно в северных районах Субарктики (Бируля 1907). Характерна выстилка гнезда перьями у юрка; в данном случае это свойственно всему семейству вьюрковых (Данилов 1966). Разные авторы (Гладков 1951; Дунаева, Кучерук 1941; Кищинский 1960; Данилов 1966) отмечают использование оленьего волоса в качестве выстилки камышовой овсянкой, овсянкой-крошкой, белой и жёлтой трясогузками, юрком. Мы отметили 7 видов птиц, утепляющих гнёзда оленьим волосом. Причём для тех, кто использует всегда перо, это носило случайный характер. У лапландского подорожника волос оленя в выстилке гнезда встречен 3 раза, у веснички – 1, у чечётки – ни разу. Как тонкий выстилающий дно слой («донышко»), волос оленя встречен в 26% гнёзд лугового конька. Этот материал присутствовал во всех гнёздах, найденных в районах выпаса оленей (в тундре), и лишь в единичных гнёздах в лесотундре, где оленеводческих баз нет. Ни одно из 22 гнёзд лугового конька не было выстлано оленьим волосом в тундре устья Поноя. То есть и для этого вида использование оленьего волоса носит случайный характер. В качестве хорошо выраженного внутреннего слоя волос присутствовал в 2 гнёздах белой трясогузки и серой вороны. В целом

для проникающих в тундру широко распространённых видов воробьиных птиц использование особых, массовых в тундре теплоизолирующих материалов носит случайный характер.

Особо нужно сказать о растянутости периода кладки у ряда воробьиных птиц тундры. Длительнее других гнездится в тундре чечётка – от 1.5 до 2.5 месяца и больше (с конца мая до середины августа). Не менее чем на 1.5 месяца растянут период гнездования белобровика, на 25-35 дней – у краснозобого конька, веснички, овсянки-крошки, лапландского подорожника, варакушки, белой трясогузки. Наиболее синхронно гнездятся (10-20 дней) камышевка-барсучок, камышовая овсянка, рябинник, каменка, желтоголовая и жёлтая трясогузки, луговой конёк, серая ворона (Данилов 1966; Успенский 1969). В Териберской тундре луговой и краснозобый коньки начинали гнездиться одновременно (Кищинский 1960), но у последнего кладка растягивалась на значительно более долгий срок. Одновременно с тем, что у видов-субарктов мы наблюдаем наибольшую растянутость кладки, именно для этих видов характерно сокращение одного цикла размножения конкретной пары, что достигается как сокращением сроков насиживания яиц, так и уменьшением времени пребывания птенцов в гнезде. Наличие двух кладок в тундре известно для пуночки (Кищинский 1960; Успенский 1969), предполагалось для белобровика (Новиков 1944; Кищинский 1960) и чечётки (Портенко 1939; Владимирская 1948). Полицикличность размножения широко распространена у воробьиных птиц в Субвысокогорье, где лето тоже короткое (Ковшарь 1979). Связана ли растянутость периода кладки с полицикличностью размножения или просто с несинхронностью размножения отдельных пар, ясно, что при такой выраженности, как это наблюдается у чечётки (более 2.5 месяцев), мы имеем дело с закономерным явлением, в основе которого, вероятно, лежат этологические и физиологические механизмы регулирования размножения (Михайлов 1984).

Заключение

Температурные и биотопические условия лишь в самом общем плане определяют широтную зональность распространения птиц Субарктики (Данилов 1966). Северные границы распространения воробьиных птиц на Кольском полуострове не совпадают с границами биотопов (Михайлов, Фильчагов 1985; Кищинский 1961). Гнездование тундровых видов на земле и около земли обуславливается не общей небольшой высотой тундровых кустарников и отсутствием деревьев, т.е. не условиями прикрепления гнёзд, о чём подробно говорилось выше. Прямой связи границ со средними температурами не устанавливается ни у одного вида (Данилов 1966). Краткость субарктического лета хотя и уплотняет гнездовой цикл, но всё же позволяет большинству видов во-

робьиных птиц иметь здесь одну, часто растянутую, а некоторым и две кладки. Очевидно, экстремальность условий размножения в Субарктике для воробьиных обуславливается резко выраженной неустойчивостью погодных условий периода гнездования, проявляющихся в неожиданном наступлении относительно длинных периодов непогоды на Кольском полуострове, связанных с действием северо-северо-западных ветров – «морян». Согласно А.С.Мончадскому (1958), именно такие внезапно действующие непериодические факторы, не вызывающие адаптивных, прежде всего морфофизиологических реакций у животных, и являются, как правило, лимитирующими. «Моряна» сопровождается резким падением температуры воздуха, непрерывным дождём, туманами, ночными заморозками. При отсутствии пищи и обогрева на сильном ветру (10-15 м/с) птенцы воробьиных птиц гибнут за несколько минут (Кищинский 1960; наши собственные опытные данные над неоперёнными птенцами камышовой овсянки, лугового конька, варакушки). Уже при температуре воздуха +8°C (Дунаева, Кучерук 1941) или при скорости ветра свыше 12.87 км/ч независимо от температуры (Дажо 1975) сильно снижается активность насекомых, составляющих основную пищу птенцов воробьиных птиц тундры. В это время и взрослые птицы бывают сильно истощены, так как испытывают серьёзные затруднения в добыче корма (Кищинский 1960). Интенсивность кормления птенцов в «моряну» значительно падает, тогда как их потребность в корме в связи с повышением затрат на теплообразование возрастает. Чем дольше длится «моряна», тем всё более увеличивается диспропорция в расходе и потреблении энергии у птенцов, естественным результатом чего является их гибель от истощения, в отдельных случаях достигающая катастрофической величины (Кищинский 1960).

Способность взрослых птиц регулировать температуру гнезда, обогревая птенцов, не решает проблему сохранения энергетического баланса последних во время длительной непогоды, поскольку обогревание и поиск корма – взаимоисключающие формы поведения, «моряна» же при открытом гнездовании требует их одновременного проявления. Наиболее эффективным путём, позволяющим сохранить температуру тела птенца на оптимальном уровне, было бы достижение автономности микроклимата гнезда (относительного постоянства его температурного режима). Чем лучше укрыто гнездо, тем меньше времени родители могут тратить на обогревание и тем больше могут использовать на поиск корма, что в условиях длительной непогоды приобретает решающее значение. По данным Р.В.Никитиной (1959), в Подмоскowie при переходе к «закрытому» типу гнездования зависимость микроклимата (температуры) гнезда от колебаний метеоусловий среды значительно падает. У норников и дуплогнездников она в 6.5-10 раз (!), а у ласточки-касатки *Hirundo rustica* и пеночек *Phylloscopus* – в 2 раза ниже, чем у

открытогнездящихся видов. При резко выраженной неустойчивости метеоусловий в тундре преимущества «закрытого» типа гнездования проявляются сильнее, и потому тенденция к предпочтительному использованию микростаций «закрытого» типа приобретает здесь характер выраженного приспособления. Приближение к сферической форме и использование теплоизоляционных материалов ещё более усиливают эффект изоляции микроклимата гнезда от внешней среды. Подобного рода эколого-этологические приспособления свойственны птицам и в других экстремальных зонах с неустойчивыми метеоусловиями и сильным воздействием ветров – в Антарктиде (Сыроечковский 1959) и в высокогорьях (Ковшарь 1979). На границе ареала, в арктических тундрах, где пространственная структура ландшафта становится максимально упрощённой, а колебания метеофактора достигают наибольшей величины, воробьиные птицы свободно переходят к образованию синантропных группировок (Успенский 1959, 1969) в более сложном здесь по структуре культурном ландшафте.

При анализе состава воробьиных птиц, проникающих в Субарктику, выявляется разнородная, на первый взгляд, группа видов (пуночка, рогатый жаворонок, белая трясогузка, каменка, а также скальный конёк, горная чечётка *Linaria flavirostris*), пришедших сюда уже преадаптированными к экстремальным условиям размножения в этой зоне, что позволило некоторым из них расселиться в Субарктике вплоть до арктических тундр. Примечательно, что все эти виды проникают и в горную тундру; характер их гнездования в тундре указывает на происхождение в субвысокогорьях и каменистых пустынях, где под жёстким прессом общих с тундрой лимитирующих факторов (сильный ветер, неустойчивость метеоусловий) большинство видов воробьиных птиц переходит к гнездованию в нетипичных для них микростациях, реализуя широкий диапазон вариантов «закрытого» типа (Ковшарь 1979). Использование в тундре модели «горной» гнездовой микростанции и предопределило их успешное вселение в эту зону.

Какое преимущество может дать растянутость периода кладки воробьиным в Субарктике? В периоды «моряны» на Кольском полуострове гибель птенцов бывает очень высокой, однако «моряны» – явление временное. Сроки же развития птенцов (10-11 дней), особенно видов субарктов, укладываются в периоды отсутствия «моряны». Очевидно, что максимальная растянутость периода кладки при сокращении гнездовой жизни птенцов позволит наибольшей части популяции избежать (вероятно) периодов непогоды. К примеру, в «тяжёлое» лето 1956 года, когда «моряна» продолжалась на севере Кольского полуострова в течение всего июля и гибель птенцов чечётки и юрка достигала в это время 100%, общая смертность за сезон составила у юрка 94% популяции, а у чечётки – только 30.6% (Кищинский 1960).

Литература

- Бируля А.А. 1907. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // *Зап. Акад. наук по физ-мат отд.* Сер. 8. **18**, 2: I-XXXVI, 1-157.
- Бровкина Е.Г. 1959. Материалы по биологии размножения дроздов // *Учён. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потёмкина* **104**: 227-257.
- Владимирская М.И. 1948. Птицы Лапландского заповедника // *Тр. Лапландского заповедника* **3**: 171-245.
- Гладков Н.А. 1951. Птицы Тиманской тундры // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **7**: 15-89.
- Григорьев А.А. 1956. *Субарктика*. 2-е изд. М.; Л.
- Данилов Н.Н. 1966. Пути приспособления наземных позвоночных животных к условиям существования в Субарктике. 2. Птицы // *Тр. ин-та биол. Урал. ун-та* **56**: 1-148.
- Дажо Р. 1975. *Основы экологии*. М.: 1-415.
- Дунаева Т.Н., Кучерук В.В. 1941. Материалы по экологии наземных позвоночных тундры Южного Ямала // *Материалы к познанию фауны и флоры СССР*. Нов. сер. Отд. зоол. **4** (**19**): 5-80.
- Кищинский А.А. 1960. К фауне и экологии птиц Териберского района Мурманской области // *Тр. Кандалакшского заповедника* **2**: 122-212.
- Кищинский А.А. 1961. Об изменении в орнитофауне Кольской тундры и расселении некоторых видов птиц // *Проблемы Севера* **4**: 165-171.
- Ковшарь А.Ф. 1979. *Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня*. Алма-Ата: 1-312.
- Михайлов К.Е. (1984) 2013. О размножении тундряной чечётки *Acanthis hornemannii* на Кольском полуострове // *Рус. орнитол. журн.* **22** (848): 452-453.
- Михайлов К.Е., Фильчагов А.В. (1984) 2012. Особенности распространения и расселения некоторых видов птиц в тундре Кольского полуострова // *Рус. орнитол. журн.* **21** (767): 1395-1405.
- Михеев А.В. 1939. К биологии лапландского подорожника (*Calcarius lapponicus* L.) // *Зоол. журн.* **18**, 5: 924-938.
- Мончадский А.С. 1958. О классификации факторов окружающей среды // *Зоол. журн.* **37**, 5/8: 680-692.
- Никитина Р.В. 1959. Адаптивные особенности птенцового пухового покрова воробьиных птиц // *Учён. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потёмкина* **104**, 8: 145-179.
- Новиков Г.А. 1944. Особенности гнездовой жизни птиц на Кольском полуострове // *Природа* **33**, 1: 51-58.
- Портенко Л.А. 1939. Фауна Анадырского края. Птицы. Ч. 1 и 2 // *Тр. Науч.-исслед. ин-та полярного земледелия, животноводства и промысл. хоз-ва* **5**: 5-211, **6**: 4-198.
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А. (ред.) 1951-1954. *Птицы Советского Союза*. М., **1-4**.
- Спангенберг Е.П., Леонович В.В. 1960. Птицы северо-восточного побережья Белого моря // *Тр. Кандалакшского заповедника* **2**: 213-336.
- Сыроечковский Е.Е. 1959. Ветер, рельеф и особенности экологии птиц Антарктики // *Орнитология* **2**: 282-288.
- Успенский С.М. (1959) 2007. Особенности авифауны культурного ландшафта Арктики и Субарктики // *Рус. орнитол. журн.* **16** (393): 1709-1720.
- Успенский С.М. 1969. *Жизнь в высоких широтах на примере птиц*. М.: 1-463.

Биология конька Мензбира *Anthus gustavi menzbieri* в Приморье

Ю.Н.Назаров

Второе издание. Первая публикация в 1981*

Сведения о сибирском коньке *Anthus gustavi* крайне скудны (Воробьев 1954; Гладков 1954; Портенко 1960; и др.). Что же касается конька Мензбира *A. g. menzbieri* Shulpin 1928, область распространения которого охватывает бассейн озера Ханка, то данные о нём из Приморья ограничиваются регистрацией на гнездовье лишь в двух точках побережья Ханки (Шульпин 1927; Глущенко, Шибнев 1977) и немногими встречами на пролёте (Омелько 1963; Лабзюк и др. 1971; Назаров и др. 1978; и др.), в ряде случаев (Назаренко 1971; Панов 1973) без конкретных сведений о подвидах. Молодой самец, добытый 28 июля 1910 близ посёлка Камень-Рыболов (Черский 1915), мог быть кочующим, хотя не исключена возможность гнездования его здесь в те времена. То, что экземпляр, добытый 20 июля 1961 у реки Спасовки, принадлежал номинальной форме *A. gustavi gustavi* Swinhoe 1863 (Рандла 1971), вызывает сомнение. Для Китая есть указание о гнездовании *A. gustavi menzbieri* на северном побережье озера Ханка и регистрация в августе у Хайхэ в провинции Хэйлунцзян (Cheng 1976).

Материал собран преимущественно в 1977 и 1978 годах на восточном побережье Ханки в устье реки Верхний Сунгач. Большую помощь в сборе сведений о гнездовании нам оказали О.И.Дашченко, М.Г.Казыханова и М.Е.Качалова, которым мы искренне признательны.

В последние годы условия для существования конька Мензбира были оптимальными, если не считать явно сокращающих его ареал мелиоративных работ и освоения площадей под поля. Ограниченное распространение его в настоящее время связано с тем, что, в отличие от номинальной формы, которая гнездится на осоковых болотах, болотистых тундрах, лугах и сухих участках, поросших кустарником (Тасзановски 1891-1893; Гладков 1954; Портенко 1973; Кречмар и др. 1978; Лобков 1978), *A. g. menzbieri* населяет только плавни, для которых характерен толстый рыхлый слой полусгнившей растительной ветоши, затрудняющей развитие растений. Травяной покров здесь состоит преимущественно из осоки или вейника узколистного, иногда с небольшой примесью хвоща; он изрежен и к середине июня не превышает 30 см высоты. Поскольку конёк Мензбира избегает тростниковых и густых

* Назаров Ю.Н. 1981. Биология сибирского конька – *Anthus gustavi menzbieri* Shulpin в Приморье // *Редкие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 67-73.

разнотравных зарослей, а также сухих луговин, распределение его неравномерно. Создается впечатление, что птицы поселяются колониями. В 1978 году это особенно было заметно, так как уровень воды в озере Ханка значительно снизился, плавни высохли и внешне мало чем отличались от соседствующих лугов. В то же время численность конька заметно увеличилась в связи с тем, что в последние 2-3 года расширились участки, пригодные для устройства гнёзд, но колонии по-прежнему остались разобщёнными.

В 1978 году численность гнездящихся птиц в устье Верхнего Сунгача составляла до 19 пар/км² (почти в 2 раза выше, чем в 1977 году).

Весной первые птицы появляются в Приморье в конце апреля (Воробьёв 1954). На полуострове Корея наиболее поздняя дата регистрации – 20 мая (Austin 1948). На юге Приморья запоздавшие птицы, по видимому, могут лететь ещё и в первых числах июня; так, в окрестностях Хасана два одиночных конька отмечены нами 31 мая 1970. В эти же сроки в Приморье летит и номинальный подвид, но он более обилен, чем местная форма. Пролётные птицы держатся одиночно – одна всегда прогоняет другую, если они оказываются рядом.

Рис. 1. Конёк Мензбира *Anthus gustavi menzibieri*. Владивосток, остров Русский.
5 мая 2020. Фото И.Малькиной.

Появившиеся на местах гнездования самцы интенсивно поют с первых же дней. Токование начинается с того, что самец довольно быстро, но не круто поднимается на высоту 50-70 м и летает то мелкими петлями, то широкими кругами, облетая за один токовый полёт площадь более 1 га. При этом он равномерно машет крыльями (не складывает их, как в обычном полёте), чуть приподнимает хвост и опускает

голову. Через 10-15 взмахов самец останавливается на несколько секунд, расправив крылья против ветра, а в безветренную погоду мелко трепеща ими. В это время он пропевает низкую приглушенную жужжащую песню, что-то вроде «*пнджжжжжжжжжи-жжжжи*» или «*чип-чичичи- чжжжжжжжчи*». Песня несколько раз варьирует, так как её отдельные звуки переставляются, растягиваются или укорачиваются. Птицу можно слышать на расстоянии 150-200 м. Токовый полёт продолжается несколько минут. Затем самец поднимает крылья и расправленный хвост и, держа тело горизонтально, винтообразно планирует вниз или опускается вертикально, резко поворачиваясь поочерёдно влево и вправо, а с полпути пикирует к земле. Во время первой стадии спуска он исполняет 1-2 песни, Сев на торчащий стебель растения или прямо на землю, отдыхает здесь несколько минут, иногда поёт, а затем вновь поднимается в воздух. Временами, особенно при сильном ветре, самец подолгу поёт, сидя на травинке. Уже в первых числах июня коньки поют мало, а с середины месяца токующие птицы не отмечались, за исключением одного самца, певшего 30 июня 1978.

У самцов, появляющихся весной на юге Приморья, семенники уже заметно увеличены: 6 мм у экземпляра от 30 апреля 1947 (Воробьев 1954), 5×3 мм — у птицы от 11 мая 1968. Конёк приступает к гнездо-строению, по-видимому, в середине мая. Гнездо устроено в ямке под козырьком из растительной ветоши, прикрывающим его обычно полностью, так что постройка становится незаметной даже со стороны входа. Создаётся впечатление, что гнездо помещено в норке. Сами же птицы не маскируют гнездо сверху, в противоположность тому, что пишет Л.А.Портенко (1960). Гнездо чашевидное. Края его иногда выдаются над верхним краем ямки на 1-2 см. Материалом для гнезда служат сухие листья и стебли вейника и осоки. В одном случае птица, видимо, не приносила материал, а лишь утоптала найденное углубление и оформила лоток. Выстилка лотка состоит из того же материала, что и само гнездо, или же из тонких стебельков, реже небольшого количества корешков и шерсти енотовидной собаки *Nyctereutes procyonoides*. Размеры гнёзд ($n = 12$) варьируют в зависимости от размеров гнездовой ямки, мм: диаметр гнезда 80-140, в среднем 105; диаметр лотка 54-90, в среднем 76; глубина лотка 30-50, в среднем 35.

В полной кладке 4-6 яиц, чаще (58.3%) 5 и гораздо реже (16.6%) 6 яиц. Следует отметить, что в 1977 году средняя величина кладки составила 4.5 яйца, а в 1978 – 5.3 яйца (гнезд с 4 яйцами не обнаружено). Окраска просмотренных нами яиц ($n = 8$) заметно отличалась от описанных В.Тачановским (Taczanowski 1891-1893) и Л.А.Портенко (1960) для номинального подвида. Основной фон их буроватый, с оливковым оттенком. Многочисленные размытые глубинные мазки или мелкие крапинки покрывают всю поверхность, но на тупом конце об-

разуют тёмную шапочку с неясными тёмно-бурыми прожилками. Одно яйцо оказалось ровного буроватого тона с несколько более тёмной шапочкой на тупом конце, но без крапин и прожилок. Размеры яиц ($n = 8$), мм: 14.6-15.9×19.0-19.9, в среднем 15.4×19.4; они мало отличаются от размеров яиц поминального подвида, достигающих, по сообщению Тачановского (1891-1893), 14.0-15.3×19.75-21.5 и в среднем составляя (по 13 экз.) 14.9×20.4).

Рис. 2. Конёк Мензбира *Anthus gustavi menzbieri*. Восточное побережье озера Ханка. Спасский район. 1 мая 2012. Фото Д.Коробова.

Насиживающая птица подпускает к себе на 0.4-1 м. В случае опасности молча стремительно улетает, реже убегает, полурасправив крылья. Лишь однажды конёк стремительно вылетел из гнезда с глухим шипением. Возвращается к гнезду только после ухода наблюдателя. При этом обычно несколько раз опускается в 10-15 м от гнезда и затем приближается к нему пешком. Если самка застаёт человека у гнезда с птенцами, она молча или же издавая негромкое отрывистое «цеп, цеп» 1-2 мин порхает в 5-8 м от него, а затем улетает и скрывается в траве. Самец в подобной ситуации поднимается вверх на 30-40 м и начинает петь, не выпуская корм из клюва. К нему нередко присоединяются соседние самцы, по вскоре все певцы исчезают.

Птенцы появляются на 12-13-й день насиживания. Вылупление их растягивается почти на 2 сут. Первые пуховички отмечены 4 июня. Причём в 1978 году во всех известных гнёздах они появились между 4 и 10 июня, тогда как в 1977 – между 5 июня и 1 июля. Это различие,

по-видимому, связано с высоким уровнем воды в первый год наблюдений, а отсюда — с недостатком мест, пригодных для устройства гнёзд, а также большой гибелью кладок и птенцов от дождей и хищников. В 1978 году условия оказались более благоприятными — коньки заселили обгоревшие высохшие плавни, на которых дожди были им не опасны, наземные хищники заходили сюда редко, а мест, удобных для гнездования, оказалось очень много.

У пуховичка кожа и лапы морковно-телесного цвета, несколько варьирующего по яркости у отдельных экземпляров (просмотрено 25 птенцов). Темно-серый пух (до 6 мм) на глазных, надглазничных, затылочной, плечевых, локтевых, спинной и бедренных птерилиях; короткие серые пушинки на голенях и брюшке; на месте маховых едва заметные рудиментарные тёмные пушинки; на кончике крайние пушинки развиты нормально, остальные — рудиментарные. Надклювье сероватое, кончик клюва бурый и темно-серый; яйцевой зуб белый; клювные валики светло-жёлтые или жёлтые; стенки ротовой полости красно-оранжевые, жёлтые или морковного цвета, с более красными углами рта и центральной частью языка. Когти белёсые, с сероватыми кончиками или же целиком белые. На трети-четвёртые сутки у птенцов начинают прорезаться пеньки маховых, открываются слуховые проходы и чуть приоткрываются глазные щели; на 7-8-е сутки птенец почти полностью покрыт пером, начинают появляться кисточки маховых; 9-10-дневный самец достигает веса взрослой самки — 17,5 г.

Молодые покидают гнездо в возрасте 12-14 сут. Первые слётки отмечены 15 июня, а в первых числах июля можно встретить одиночных молодых, самостоятельно кормящихся на грязевых пляжах озёр, низкотравных сырых луговинах, сухих гривках и в прибрежных ивняках; на ночь улетают в плавни. В середине июля они обычны повсюду. Нередко держатся в стайках молодых жёлтых трясогузок. В это же время и вплоть до конца месяца встречаются отдельные нераспавшиеся выводки молодых, которых ещё подкармливают взрослые. В конце июля — начале августа отдельные молодые самцы пробуют голос, сидя в кроне ивы или совершая токовой полёт, но песня их неумелая, тихая, напоминающая бормотание.

Смена контурного пера у молодых начинается, по-видимому, вскоре после того, как они наденут гнездовой наряд. В связи с растянутостью гнездового сезона, линяющих птиц можно встретить на протяжении более 2 месяцев. У молодого от 13 июля часть контурных всех птерилий оказалась на разных стадиях роста, но самые крупные из них (на груди и спине) отросли менее чем наполовину и не были видны среди перьев гнездового наряда. У птицы от 1 августа на груди и спине преобладали перья гнездового наряда, но у экземпляров от 20 июля и 1 августа на этих участках тела были преимущественно свежие кон-

турные, а у птиц от 3 и 14 августа уже почти полностью сформировался новый наряд, но мелкие и небольшая часть крупных перьев всех птерилий находились на разных стадиях роста. У молодых от 8, 17 августа и 9 сентября (2 последних – пролётные) линька подходила к концу – дорастали отдельные крупные контурные и немногие мелкие перья. У взрослой самки от 27 июля росли отдельные крупные контурные и небольшое количество мелких перьев всех птерилий; на правом крыле 1-5-е первостепенные и предпоследнее второстепенное маховые были старыми, 6-е выпало, 7-е отросло на 2 мм, у 8-го кисточка 12 мм, остальные маховые свежие; на левом крыле 7-е маховое – пенёк длиной 3 мм, 8-е отросло, но в основании его сохранился ещё чехлик длиной 7 мм, остальные – как на правом крыле. У взрослой птицы, встреченной 5 августа, хвост отрос приблизительно на 1.5 см.

Таблица 1. Пища *Anthus gustavi menzbieri* (66 проб, 14 желудков)

Кормовые объекты	Стадия развития	Всего экз.	Встречаемость, %
Aranei	Imago	36	30
Orthoptera:		16	16.3
Gryllidae (<i>Oecanthus longicauda</i>)	Imago	1	
Acrididae	Imago	2	
Tetrigidae (<i>Tetrix subulala</i> , <i>T. fuliginosa</i> , <i>T. simulans</i> , <i>T. japonica</i> , <i>Tetrix</i> sp.)	Larva, imago	13	
Homoptera (Cicadinea)	Larva, imago	19	13
Trichoptera	Imago	1	1.4
Lepidoptera:		61	46.3
Notodontidae	Pupa	2	
Geometridae (<i>Naxa seriaria</i>)	Larva	2	
Lymantriidae (<i>Orgyia recens</i> и др.)	Larva, imago	3	
Pyalidae	Imago	1	
Tortricidae	Larva, imago	13	
Noctuidae (<i>Meliana</i> sp. и др.)	Larva, imago	32	
Прочие Lepidoptera	Larva, imago	8	
Coleoptera		12	18.5
Carabidae (<i>Carabus</i> sp., <i>Odacantha puriloi</i> и др.)	Larva, imago	3	
Chrysomelidae (<i>Donacia ochroleuca</i> , <i>Plateumaris roseida</i> и др.)	Imago	9	
Hymenoptera (Tenthredinidae)	Larva, imago	2	2.8
Diptera:		81	45.6
Culicidae	Imago	2	
Chironomidae	Imago	2	
Tephritidae	Imago	44	
Tabanidae (<i>Hibomitra</i> sp.)	Imago	17	
Syrphidae	Imago	1	
Прочие Diptera	Larva, imago	15	
Mollusca: Gastropoda: Stylommatophora:		24	14.2
Lymnaeidae (<i>Lymnaea auricularia</i>)	Imago	4	
Planorbidae (<i>Anisus acronicus</i>)	Imago	20	

Примечание: встречаемость дана только для крупных таксонов, например, отрядов.

В выкармливании птенцов принимают равное участие оба родителя. Корм собирают на земле и нижних частях стеблей и листьев трав. Во второй половине лета молодые кормятся и на ветвях деревьев. Пища довольно разнообразна (табл. 1) и состоит преимущественно из объектов мелких и средних размеров, среди которых основную роль играют чешуекрылые, двукрылые и пауки, составляющие более 2/3 общего числа объектов из проб и желудков. Значение различных групп беспозвоночных неодинаково по годам: основным кормом конька в 1977 году были пауки, жуки и чешуекрылые, встречаемость которых достигала 27.5, 27.5 и 24.1% соответственно, а общее число экземпляров 73.6%. В 1978 году птицы чаще приносили двукрылых (61.7%), чешуекрылых (55.3%) и пауков (27.7%), которые составили 72% общего числа особей.

Таблица 2. Некоторые сведения об экземплярах *Anthus gustavi menzbieri*, добытых в Приморье

Дата	Пол	Возраст	Длина крыла, мм	Вес, г
Остров Большой Пелис				
11.05.1968	♂	Ad.	75.6	Нет дан.
09.09.1977	♂	Subad.	74.1	19.6
Озеро Ханка, устье реки Верхний Сунгач				
28.05.1977	♂	Ad.	77.8	20.8
03.08.1977	♂	Subad.	73.7	Нет дан.
14.08.1977	♂	Subad.	78.2	20.3
01.08.1977	♂	Juv.	73.5	20.5
20.07.1978	♂	Juv.	76.4	19.6
01.08.1977	Не определён	Juv.	73.2	21.0
13.07.1978	Не определён	Juv.	73.4	20.3
27.07.1978	♀	Ad.	72.0	17.4
08.08.1977	♀	Subad.	71.0	17.9
Посёлок Хасан				
17.08.1971	♂	Subad.	78.9	20.6

Во время осеннего пролёта, как и весной, конёк Мензбира редок, обычно попадаются одиночки, гораздо реже группы до 6 птиц. Кочёвки начинаются во второй половине июля – в устье реки Раздольной первая птица отмечена 24 июля 1973. По наблюдениям в окрестностях Хасана, в устье Раздольной и на острове Большой Полис (залив Петра Великого), осенний пролёт идёт в течение августа и сентября без существенных колебаний численности. Последние птицы покидают Приморье, по-видимому, в первых числах октября, так как 23 сентября (материалы Зоологического института РАН) в устье Илестой была добыта самка, на острове Большой Пелис одиночная птица отмечена 25 сентября. В это время номинальная форма, появляющаяся в Приморье в середине сентября, довольно обычна, поэтому *A. g. menzbieri* становится ещё менее заметным. На пролёте он предпочитает низкотравные

сырые луга с изреженной растительностью. Часто его можно встретить на просёлочных дорогах среди лугов и болот, на грязевых пляжах среди болот. При отсутствии благоприятных биотопов держится в зарослях высокой (около 2 м) полыни и других крупных трав, среди стеблей которых коньки свободно бегают, так как здесь нет мелкой густой растительности, препятствующей движению.

Учитывая крайне ограниченный коллекционный материал, имеющийся по коньку Мензбира, считаю целесообразным привести здесь (табл. 2) сведения о размерах и массе добытых мною птицах (экземпляры хранятся в фондах Зоомузея Дальневосточного университета).

Л и т е р а т у р а

- Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.
- Гладков Н.А. 1954. Семейство трясогузковые Motacillidae // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 594-691.
- Глушченко Ю.Н., Шибнев Ю.Б. 1977. Новые данные о редких птицах Приморья // *Материалы 7-й Всесоюз. орнитол. конф.* Киев, 1: 49-50.
- Кречмар А.В., Андреев А.В., Кондратьев А.Я. 1978. *Экология и распространение птиц на Северо-Востоке СССР*. М.: 1-191.
- Лабзюк В.И., Назаров Ю.Н., Нечаев В.А. (1971) 2020. Птицы островов северо-западной части залива Петра Великого // *Рус. орнитол. журн.* **29** (1981): 4626-4660.
- Лобков Е.Г. 1978. Краткий обзор птиц центральных районов Восточной Камчатки // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* **17**: 52-72.
- Назаренко А.А. 1971. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая Падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.
- Назаров Ю.Н., Казыханова М.Г., Куринный В.Н. 1978. Пролёт птиц на острове Большой Пелис в сентябре 1977 г. // *Материалы 2-й Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. Алма-Ата, **3**: 148-150.
- Омелько М.А. 1963. Новые материалы к орнитофауне Южного Приморья // *Сообщ. Дальневост. фил. СО АН СССР* **18**: 119-121.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Портенко Л.А. 1960. *Птицы СССР*. М.; Л., 4: 1-414.
- Портенко Л.А. 1973. *Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля*. Л., **2**: 1-323.
- Рандла Т. 1971. Заметки о птицах Южного Приморья // *Живая природа Дальнего Востока*. Таллин: 235-239.
- Черский А.И. 1915. Орнитологическая коллекция Общества изучения Амурского края во Владивостоке // *Зап. Общ-ва изучения Амур. края* **14**: 142-276.
- Шульпин Л.М. 1927. Новые данные по распространению птиц в Южно-Уссурийском крае и описание новых форм // *Ежегодник Зоол. музея АН СССР* **28**, 3: 398-406.
- Austin O.L. 1948. The birds of Korea // *Bull. Mus. Comp. Zool.* **101**, 1: 1-301.
- Cheng T.H. 1976. *Distributional list of Chinese birds*. 2nd ed. Peking: 1-1280.
- Taczanowski L. 1893. Faune ornithologique de la Sibirie Orientale // *Mém. Acad. Sci. St.-Pétersb. Sér.* **7**, **39**: 1-1278.

Новое место гнездования и зимовки большого баклана *Phalacrocorax carbo* и первый случай зимовки малого баклана *Phalacrocorax pygmeus* в европейской части СССР

А.Н.Хохлов, А.П.Бичерев

Второе издание. Первая публикация в 1986*

На территории Ставропольского края, где проходили наши исследования в последние пять лет, нам удалось обнаружить большого баклана *Phalacrocorax carbo*, гнездящимся в трёх местах. Впервые две гнездящиеся пары отмечены на Новотроицком водохранилище в 1978 году. Гнёзда располагались на ивах, из каждого вылетели по 4 птенца (число яиц не проверялось). В 1979-1982 годах пару больших бакланов с чайками-хохотуньями *Larus cachinnans* встречали на одном из рыбноводных прудов у села Птичье. В 1982 году здесь до вылета из гнезда выросли 3 птенца. И наконец, одно гнездо баклана обнаружено в 1982 году в колонии серой цапли *Ardea cinerea* и кваквы *Nycticorax nycticorax* в пойменном лесу по реке Куре близ хутора Пегушин на границе с Кабардино-Балкарией.

Большой баклан на зимовке в Ставропольском крае обнаружен на незамерзающей акватории Новотроицкого водохранилища. Число этих птиц в тёплую зиму 1979/80 года изменялась от 10 до 29. В более холодную зиму 1981/82 года здесь зимовали 15 больших бакланов. В период отдыха птицы неизменно придерживались небольшого скалистого обнажения в северной части водохранилища, улетаая да открытую воду при беспокойстве.

Любопытно отметить, что на Новотроицком водохранилище 10 января 1972 при резком похолодании учащимися школы на поверхности льда был пойман ослабевший малый баклан *Phalacrocorax pygmeus*. Это первая встреча малого баклана в зимний период в пределах европейской части СССР.

* Хохлов А.Н., Бичерев А.П. 1986. Новое место гнездования и зимовки большого баклана в СССР // Орнитология 21: 143.

Новые находки мест гнездования сухоноса *Anser cygnoides* в Нижнем Приамурье

В.Б.Мастеров, Н.Д.Поярков

Второе издание. Первая публикация в 1997*

В течение летнего сезона 1996 года нами были обследованы пойменные угодья в долине нижнего течения Амура от устья реки Лимури до озера Орель включительно, а также побережье Охотского моря от Ульбанского залива до Амурского лимана. Сезон характеризовался очень низким стоянием воды в Амуре и большинстве связанных с ним водоёмов, так что многие протоки, заливы и озёра полностью или частично пересохли. Кроме описанных нами ранее мест (озёра Чёртово и Удыль) гнездование сухоносов *Anser cygnoides* зарегистрировано на протоке Халан, начинающейся около устья реки Лимури и заканчивающейся на Амуре недалеко от посёлка Мариинское. 30 июня 1996 в точке с координатами 51°39'07" с.ш., 139°34'20" в.д. встречены 9 или 10 пуховых птенцов примерно 15-18-дневного возраста, ещё полностью в пуху, сопровождаемые двумя взрослыми. При приближении лодки родители вывели птенцов на берег, после чего взлетели, а немного позднее к ним присоединились ещё две взрослые птицы. Эта четвёрка сделала над нами несколько кругов с криком, не приближаясь ближе 100-120 м. Последнее не характерно для сухоносов, как правило, гораздо менее осторожных, и свидетельствует о том, что для них привычно преследование или беспокойство со стороны человека. Через несколько минут примерно в 200 м от места обнаружения птенцов на ложе обсохшего залива с мохоподобной травкой и отдельными обсохшими пучками болотноцветника и проростками горца мы встретили ещё трёх кормящихся взрослых сухоносов. При нашем приближении они взлетели, и к ним присоединился ещё один. Таким образом, данная микрогруппировка включала максимум до 8 взрослых птиц и 10 птенцов (вполне вероятно, что это были объединённые выводки). Судя по следам, она держалась на примерно километровой отрезке протоки Халан с прилегающими заливами и озёрками. На следующий день в районе обсохшего обширного залива Пахтинский (51°40'17" с.ш., 139°40'23" в.д.) в русле протоки встречена ещё одна группировка: 16-18 взрослых сухоносов сопровождали около 30 птенцов, среди которых были как пуховики, так и начинающие оперяться более взрослые гусята. При нашем приближении часть молодых выбежала на берег, а часть осталась

* Мастеров В.Б., Поярков Н.Д. 1997. Новые находки мест гнездования сухоносов (*Anser cygnoides*) в Нижнем Приамурье // *Казарка* 3: 379-381.

на воде, ныряя и затаиваясь; взрослые перелетали, соблюдая дистанцию не менее 100 м от наблюдателей.

Биотопически оба места обитания были достаточно сходными: извилистое русло протоки в 20-50 м шириной с отмелями и тальниками по берегам (в первой точке тальников было существенно больше), берега заняты вейниковыми лугами, местами с разнотравьем. В обоих случаях к руслу примыкают заливы (во втором случае их существенно больше), в момент обследования представлявшие обсохшие ложа (от 100 м в поперечнике) с низкорослыми гидрофильными растениями, узким бордюром из осоковых кочкарников по берегам, переходящим в вейниковый высокотравный луг, местами с зарослями спиреи.

Крайняя сухость, безусловно, способствовала встрече сухоносов, которым из-за отсутствия воды было просто некуда уйти с русла, в противном же случае обнаружить их на столь обширной системе заливов и озёр было бы делом весьма сложным. Однако, судя по нашим наблюдениям за следами жизнедеятельности гусей в потенциальных местах обитания, а также по рассказам местных жителей, вполне вероятно, что обнаруженные нами «микроколонии» исчерпывают всех (или почти всех) обитающих здесь сухоносов. Видимо, данная микропопуляция имеет связь, или является непосредственной производной от популяции сухоносов, гнездящихся на озере Удыль: местами протоку Халан и реку Пильду, впадающую в Удыль, разделяет не более 20 км, занятых вейниковыми лугами, релками и марями.

9 августа 1996 в Ульбанском заливе в районе устья реки Ульбан ($53^{\circ}32'50''$ с.ш., $137^{\circ}20'00''$ в.д.) у большой отмели, образованной выносами реки, встречено около 70 сухоносов. Сеголетки, составлявшие подавляющее большинство в данной группе, практически не отличались от родителей по размерам. Коренной берег в данном месте был низинным, занят тундроподобными ассоциациями.

3 сентября 1996 при авиаобследовании в приустьевой части реки Усалгин в заливе Николая обнаружена группа 200-250 гусей, среди которых по крайней мере часть была определена как сухоносы, однако из-за большой высоты следования полной уверенности в правильности определения у нас нет; координаты точки встречи $53^{\circ}31'$ с.ш., $138^{\circ}16'$ в.д.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта WWF Германии № RU0032.01.

